Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (большевиков).

Редакция: Москва, Тверская, 48. [illegible] Москва, [illegible] пер., 5.

Прием по делам редакции [illegible] с 5 до 7 час. [illegible]

Телефоны [illegible]

Подписка на газету принимается [illegible] ЦЕНТРОПЕЧАТИ [illegible] Р. С. Ф. С. Р. [illegible]

№ 172 Суббота 6 августа 1921 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 172

SEP 24 [illegible] FOREIGN SERVICE

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

НАСТУПЛЕНИЕ ГРЕКОВ ОСТАНОВЛЕНО; В СЕКТОРЕ СЕИД ГАЗИ ГРЕЧЕСКИЕ ВОЙСКА ПОТЕРПЕЛИ КРУПНОЕ ПОРАЖЕНИЕ И НАЧАЛИ ОТСТУПАТЬ.

ВОЛНЕНИЯ РАБОЧИХ В ЯПОНИИ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

По недостатку места в этом номере не мог быть помещен целый ряд статей и заметок, а также ответы на вопросы, задававшиеся товарищами во время партийного обсуждения новой политики в районах Москвы. Мы надеемся поместить этот материал в последующих номерах или в специальном издании.

Редакция.

Вместо передовицы.

Для того, чтобы [illegible] хозяйственного фронта, все [illegible] пролетарии [illegible] должны ясно понимать [illegible]

Самый основной наш враг, враг смертельный — наша хозяйственная разруха, которая подрывает корни коммунизма, убивая нашу крупную промышленность.

Без крупной промышленности нет диктатуры пролетариата, нет коммунизма, нет самого рабочего класса, нет развития и лучшего будущего.

Для восстановления крупной промышленности нужно получить больше продуктов, увеличить количество продуктов. Без этого [illegible] пролетарской крепости. Увеличить количество продуктов во что бы то ни стало! — вот наш лозунг.

[illegible] хозяйство. Ради этого мы [illegible] уступки арендаторам и концессионерам.

А сами, с помощью добавочного, от них полученного продукта, [illegible] крупную индустрию. Рабочий, [illegible] больше продуктов! Настоящие пролетарии выведут нашу промышленность.

Больше инициативы в этой работе! Больше энергии!

[illegible] пролетарии, [illegible] будет [illegible] на капитал.

За работу, друзья по партии! За работу, товарищи-пролетарии! Твердой рукой проведем свою линию. С железной энергией осуществим свой план!

Состояние народного хозяйства.

Ухудшение хозяйственного положения за последние годы является следствием довольно сложной сети причин, уходящих в историю [illegible] равнодействующих. Насколько глубоко пал уровень нашего хозяйства и как много еще остается сделать для его возрождения, показывает любое сравнение нынешнего состояния с довоенным (когда тоже далеко было до идеала). По основным отраслям промышленности производство первого полугодия 1921 г. по отношению к довоенному (1910—1913) составляет:

Хлопчатобумажная пряжа	6%
Чугун	3,2%
Прокат металлов	5%
Нефть и уголь вместе	18%

Основным вопросом является, конечно, не установление величины упадка хозяйства, а выяснение — происходит ли дальнейшее увеличение развала и падения или [illegible] промышленности [illegible] роста затруднений при снабжении [illegible] горнопромысловых изделиях. Но на деле затруднения растут не от этого, а от того, что старые запасы уменьшаются быстрее, чем растет новая советская промышленность. Наличность чрезвычайно мизерного возрождения государственной промышленности несомненна, но благодаря унаследованной бедности, оно происходит гораздо медленнее, чем это необходимо для страны. Рассмотрение действительного положения показывает, что новый курс экономической политики, ставящий целью ускорение образования и извлечения запасов, бьет как раз туда, куда нужно.

Возьмем основные продукты самых крупных отраслей промышленности — металлической, топливодобывающей и текстильной. На нынешней территории всех советских республик вместе производство новых продуктов в области металлургии, как окажется, растет из полугодия в полугодие почти без колебаний. К отчетным данным за первые три полугодия прибавим еще совершенно реальную часть ожиданий на второе полугодие 1921 г. (с учетом топливных и продовольственных перспектив) и тогда получим такую таблицу (в тыс. пуд.):

	Чугун.	Прокат.
I полугодие 1920 г.	2.900	4.236
II полугодие 1920 г.	3.717	5.670
I полугодие 1921 г.	4.000	5.400
II полугодие 1921 г.	5.500	6.600

Даже топливный кризис начала текущего года не остановил роста выплавки чугуна, если брать Россию, как целое, и лишь немного задержал рост проката металла. Вместе с тем наблюдается неуклонное движение в сторону постепенного восстановления нормального соотношения между районами, что еще более подчеркивает не случайный, только количественный, а качественный характер улучшения *).

Процент участия Урала в выплавке чугуна в круглых цифрах приблизительно:

До войны	20%
I полугодие 1920 г.	80%
II полугодие 1920 г.	70%
I полугодие 1921 г.	60%
II полугодие 1921 г.	50%

В наиболее трудной области,—в деле возрождения добычи минерального топлива (уголь и нефть),—также обнаруживается, хотя еще более медленный, но непрерывный рост, которого не могли парализовать ни затруднения, возникшие в Донбассе последней зимой, ни нынешний летний кризис (должен протянуться до сентября). Если пересчитать нефть в уголь (пуд нефти в топливном отношении равен полутора пудам донецкого угля), а уголь взять в его натуральном весе, то все производство минерального топлива в стране составляет (в милл. пуд. в круглых цифрах):

I полугодие 1920 г.	385 милл. пуд.
II полугодие 1920 г.	419 милл. пуд.
I полугодие 1921 г.	425 милл. пуд.
II полугодие 1921 г.	440 милл. пуд.

*) Примечание. В частности в Донбассе за один июль 1921 г. выплавлено почти ровно столько чугуна, сколько за все первое полугодие 1921 г.

За первые три полугодия (так и в случае, [illegible] ниже) отчетные данные, а за второе полугодие 1921 г.—реальная часть программных ожиданий. [illegible] Донбасс [illegible] 1912 г. [illegible] Грозного [illegible] сказываться.

В третьей основной отрасли, текстильной, картина такова:

	Хлопк. пряжи.	Нитки.	Шерстян. ткани.
I пол. 1920 г.	[illegible] т. п.	143 т. гр.	9 м. арш.
II пол. 1920 г.	[illegible] т. п.	[illegible] т. гр.	[illegible] м. арш.
I пол. 1921 г.	[illegible] т. п.	[illegible] т. гр.	14 м. арш.
II пол. 1921 г.	[illegible] т. п.	[illegible] т. гр.	[illegible] м. арш.

[illegible] дает возможность в дальнейшем рассчитывать до 200 арш. готовой ткани, производство которой, между прочим, также постепенно возрастает: II полугодие 1920 г. всего 103 милл. арш., I полугодие 1921 г. около 115 милл. арш. и во II полугодии 1921 г. можно ожидать до 150 милл. арш.

Не загромождая примерами более мелких отраслей промышленности, можно установить, что за небольшими исключениями (как выделка кожи) фабрично-заводское производство за последние полтора—два года начало подыматься даже в таких отраслях, развитие которых в России вообще является более молодым, как напр. производство химических кислот или работа фармацевтических заводов.

	Кислоты.	Апт. препарат.
I пол. 1920 г.	942 т. п.	354 т. килогр.
II пол. 1920 г.	12[illegible]8 т. п.	407 т. »
I чет. 1921 г.*)	723 т. п.	270 т. »
II пол. 1921 г.	2000 т. п.	600 т. »

Таким образом совершенно не приходится говорить о катастрофическом падении советской промышленности. Предупреждение катастрофы было достигнуто прежде всего путем рационализации хозяйства, т.-е. путем ведения его на началах целесообразного подбора предприятий и сосредоточения на них производственных усилий. Иначе сказать—благодаря наличности государственной планомерности: постепенное укрепление и развитие начал планового хозяйства всегда позволяет усиливать полезный результат быстрее общего увеличения средств (просто благодаря более разумному использованию уже имеющихся рессурсов).

В самом деле, в первой половине 1921 г. у нас работало гораздо меньше предприятий, чем год и полтора перед этим,—а между тем продуктов произведено, как мы видели, больше. И предстоящий шаг вперед во втором полугодии 1921 г., сравнительно с первой его половиной, тоже об'ясняется, прежде всего, не увеличением топливных средств или числа занятых рабочих, но является плодом того, более решительного перехода к плановому хозяйству, который намечен был последней весной (создание в апреле Госплана и т. д.). Количество рабочих и служащих не увеличивается, а несколько сокращается («коллективное снабжение») против нынешнего (теперь в горной и обрабатывающей промышленности, считая городские газовые заводы, электрическ. станции и т. п., занято всего два миллиона человек, из них 1.700 тыс. рабочих и 300 тыс. служащих; к концу 1921 г.,—при одновременном увеличении производства, — останется, можно думать, не более 1.800 тыс.: при введении коллективного снабжения будет отпущена в деревню часть полупринудительно навлеченных оттуда крестьян).

Равным образом, не произошло и такого накопления топлива, чтобы именно этим можно было об'яснить довольно заметное и реально обоснованное увеличение производства, предстоящее во втором полугодии 1921 г. На первое полугодие 1921 г. топливный план был установлен в 7 миллионов кубов дров (в переводе всякого топлива на дрова), но на него фактически выполнено лишь около трех четвертей. На второе полугодие СТО по докладу Госплана утвердил уже совершенно реальный план в 5.200 т. куб. (фактически общие рессурсы, можно думать, окажутся даже несколько выше и образуется некоторый запас). Следовательно, общее назначение топлива (и в частности назначение промышленности, которой уделено около 1.800 тыс. кубов) не превышает фактического расхода в первом полугодии,—а продуктов получается больше. Об'яснение заключается в усилении плановой концентрации: в Костроме действовали три махорочные фабрики, все имели неполный штат квалифицированных рабочих, неполные нормы топлива и т. д., потому каждая давала несоразмерный с затраченным топливом результат (из топлива первые 15 или 20 проц. идут на простое отопление помещений и т. п. и лишь потом начинается использование его для производства; получение только 40 проц. полагающегося топлива означает поэтому сокращение производства не в 2½, а в 4 раза). Теперь в Костроме будет работать только одна махорочная фабрика, но с полным штатом и с полной нормой топлива,—и даст продукта больше, чем раньше давали все три, хотя топлива потребит меньше.

*) За полугодие нет под рукой данных, примерно вдвое больше и по кислотам и по [illegible].

В следующем затем первом полугодии 1922 г. от рационализации государственной промышленности можно ожидать еще больших результатов для увеличения производства. Правда топливные и сырьевые рессурсы не будут значительно отличаться от рессурсов второго полугодия 1921 г. Но ко второму полугодию (январь—июнь 1922 г.) больше успеет сказаться организующая роль в хозяйстве последовательно проводимого плана. При всей полезности концентрации (сосредоточения производства в могущих лучше работать предприятиях с закрытием худших) — сразу провести ее в должных размерах невозможно. Рассматривая программы второй половины 1921 г., Госплан не раз отмечал, что мирится с ними скрепя сердце, как с тем, больше чего в данный момент по неподготовленности вопроса достигнуть трудно. Но к следующему полугодию концентрация должна быть проведена в программах еще более широко.

Влияние окончания войны по мере успехов демобилизации вообще сказывается в области хозяйства все сильнее [illegible] лишь позже. Что это означает уже теперь, легко видеть хотя бы на примере транспорта. Благодаря уменьшению потребности в военном движении, программу движения железных дорог во II полугодии 1921 г. оказывается возможным сократить на 10 проц. сравнительно с фактическим движением II полугодия 1920 г.,—и это при одновременном усилении движения для общегражданских целей.

Падение производства, несмотря на всю тяжесть условий, российский пролетариат сумел остановить и ценой величайших жертв со своей стороны, до долгого полуголодного существования включительно, сумел превратить в постепенное повышение производства и производительности, правильно нащупывая в этом трудном пути единственную верную дорогу к прочному улучшению своего и общего положения. **Но увеличение производства не догнало усиливавшегося истощения старых запасов—и в этом секрет увеличения затруднений в области снабжения, несмотря на начавшееся оздоровление производства. Мертвый хватает живого.**

Возьмите любой из продуктов, рост производства которых указывался в начале статьи, и цифры покажут всю правильность этого и для чугуна, и для мануфактуры, и для угля, нефти и т. д. Отсюда—**естественное стремление всячески ускорить образование новых запасов, привести в движение, вытащить наружу необнаруженную еще часть прежних, особенно деревенских**, как специально обеспечивающих возможность ускорения развертывания государственного производства более правильным продовольственным снабжением,—отсюда, словом, ведет родословную один из корней «нового курса экономической политики», в частности свобода обмена, свобода частного рынка. При таком положении очевидна служебная роль этой свободы по отношению к государственной промышленности и появление ее не в результате разочарования в государственном хозяйстве, а как средства сделать более благоприятной обстановку в процессе начавшегося уже его постепенного под'ема.

Здесь мы приходим к вопросу, есть ли что вытаскивать из деревни «не мытьем, так катаньем», или тем и другим вместе,—и вместе с тем ко второму корню «нового курса». Возможность свободного выбора продукта и равноправность при определении соотношений обмена должны были увеличить стремление к расширению земледельческого хозяйства и, стало быть, к увеличению в стране запасов, при том приходящих в движение. В тех губерниях, где продналог окажется не выше фактически взысканной в прошлом году разверстки, можно ожидать в связи с ним действительного ускорения роста хозяйства. Но и вообще земледелие оказалось у нас, естественно, самой устойчивой отраслью. Если промышленность дает сейчас в общем не более 20 проц. суммы продуктов годового производства довоенного времени, то сельское хозяйство доставляет более 60 проц. Недостаток места не позволяет подробнее остановиться на положении и перспективах в области сельского хозяйства; надо оговорить лишь, что процесс развала, несмотря на повторные неурожаи, можно считать приостанавливающимся и здесь, если брать страну, как целое. Это относится к земледелию в целом, не исключая и государственной его части, так наз. «совхозов», которые, пережив двухлетний зародышевый период, оказались теперь уже способными встать на собственные ноги (крупное отчисление валового урожая на Волгу для голодающих крестьян нанесет им, впрочем, весьма тяжелый удар, который должен быть возмещен, чтобы это важное дело не покачнулось как раз в момент своей практической удачи).

Ю. ЛАРИН.

Крупная промышленность — фундамент коммунизма.

Более двух лет тому назад, в марте 1918 года, 8-й с'езд РКП дал следующую директиву нашей партии в области хозяйственной политики: «Главное и основное, определяющее собою всю хозяйственную политику Советской власти,—поставить всемерное повышение производительных сил страны. В виду тяжелейшей разрухи, переживаемой страной, практической цели—немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов—должно быть подчинено все остальное».

Нападение на нашу республику империалистических и белогвардейских банд не позволило нам полностью и всесторонне осуществить директиву, ставшую со времени 8-го с'езда программной. Советской власти за эти годы приходилось заботиться главным образом о повышении производительности наших военных заводов. Эту долю огромной работы наша промышленность выполнила: она дала достаточное количество предметов вооружения и др., необходимых для отражения неприятелей и врагов всех видов.

В теснейшей связи с нашими победами над контр-революционерами стоит новый курс хозяйственной политики, определенный решением 10 с'езда РКП по вопросу о продналоге и др. Развитие мелкого крестьянского хозяйства требует всех тех «свобод», обнимаемых понятием «товарообмен».

Постановление майской конференции дополнило и распространило решения 10 с'езда на ремесла, промыслы и мелкую промышленность. Все эти мелкие формы промышленности хозяйства являлись подсобными в сельском крестьянском хозяйстве, но для своей жизни и развития они нуждаются в регулирующей помощи государства.

Однако, принимая меры к поднятию мелкой промышленности путем поощрения частной и коллективной инициативы, мы ни на один момент не должны забывать, что [illegible] государства заключается в восстановлении, усилении и развитии нашей крупной промышленности. Но одного «восстановления» того, что было, и так, как было, далеко недостаточно. Наша крупная промышленность царистских времен развивалась главным образом в целях удовлетворения милитаристских потребностей. Нужды народного хозяйства, особенно крестьянского хозяйства, обслуживались чрезвычайно слабо. Теперь, при организации крупной промышленности, следует приспособить к нуждам крестьянского хозяйства большую, чем это было до сих пор, часть наших крупных предприятий.

Освобождая от стеснений кустарную и мелкую промышленность, облегчая получение для них сырья и полуфабриката, мы не должны упускать из вида того обстоятельства, что кустарничество не в состоянии удовлетворить того великого товарного голода, который переживает страна. Удовлетворить потребности населения продуктами способна только **крупная, машинная промышленность, организованная по принципу массового производства.**

Едва ли требуется в наше время доказывать, даже самым отдаленным «местам», техническое превосходство крупного предприятия над мелким, механического ткацкого станка над деревенским станом. Это техническое преимущество крупной промышленности и служит основанием для социалистического производства и распределения по принципу «каждому работнику по его потребностям».

Кроме технического превосходства, крупная промышленность имеет еще ряд выгодных особенностей по отношению к мелкой и в области экономии двигательной, осветительной и иной энергии, а также в использовании сырья. Только крупная промышленность в состоянии целесообразно и полностью использовать сырьевые материалы. По качеству выпускаемых изделий крупная промышленность, применяющая новейшие способы обработки, широкое разделение труда, подбор лучшей выработки, стоит несравненно выше мелкой промышленности и кустаря.

Все преимущества и превосходства крупного хозяйства над мелким свойственны не только добывающей и обрабатывающей промышленности, но и сельскому хозяйству. Применение техники в земледелии не только экономит труд, но позволяет улучшать обработку почвы и повышает во много раз ее производительность. Организация крупных сельскохозяйственных государственных или кооперативных предприятий имеет огромное значение для нашей страны, так как способна поставить нашу промышленность в более независимое положение от дорогого и капризного мелкого производителя сельскохозяйственных продуктов. Дело организации крупной сельскохозяйственной промышленности способно лучше всякой пропаганды приводить крестьян к коллективным формам обработки, а через машину и к коммунизму.

На путях возрождения нашей крупной промышленности стоит одно большое препятствие—наша государственная бедность. У Советского государства слишком мало средства, чтобы пустить в ход все крупные предприятия. Однако, при целесообразной организации народного хозяйства значительная часть предприятий крупного характера [illegible] источник содержания рабочей силы. Эти пути и средства должны быть испытаны в первую очередь. Как бы ни были трудны условия восстановления развития крупной промышленности, мы не должны забывать, что предприятие с могучей техникой является одновременно и лучшей школой пролетарского классового самосознания. Завод, фабрика, крупная мастерская освобождают ум работника, выводят его из круга цеховой ограниченности и влияния мелкобуржуазных идей.

В переживаемых нами условиях каждая пущенная крупная фабрика, каждый завод являются фортами коммунистической крепости. Крупная промышленность, об'единяя многие сотни тысяч пролетариев, заинтересованных в сохранении господства своего класса, будет служить и экономическим и политическим руководителем и защитником коммунистического строительства.

Без крупной промышленности немыслима диктатура пролетариата; без крупной промышленности немыслимо развитие производительных сил страны, ибо она есть техническая основа высшей формы общества; без крупной промышленности немыслим коммунизм, потому что только крупное производство может лежать в основе великого коммунистического трудового товарищества. Вот почему основной нашей заботой должна быть забота о приостановке развала, об оздоровлении и с под'еме **нашей крупной промышленности.**

А. ШЛЯПНИКОВ.

Максимум продуктов всеми средствами!

В отношении к новой экономической политике Советской власти мы снова имеем, как подобает, «единый фронт», начиная от Мартова, кончая Петром Струве, начиная от что ни на есть самых левых меньшевиков, кончая правой группой кадетской партии, группирующейся вокруг газеты «Руль». Темой их ежедневных упражнений служит «Ленин против коммунизма» (так озаглавил, напр., свою статью в «Фрейхейт» Мартов). Они наперебой доказывают невозможность для коммунистической партии осуществить новую хозяйственную политику. Ибо осуществление ее, якобы, обозначает: «свободные (конечно, от коммунизма) советы», «свобода слова и прессы» меньшевикам и кадетам и т. д. (см. статью Мартова). Все они в один голос констатируют, что основной причиной разрухи хозяйства России является ликвидация большевиками свободы хозяйственного оборота.

Мы не будем останавливаться на существе построений этого «единого фронта». Такие вещи, как полная допустимость (и теоретически, и практически) сосуществования диктатуры пролетариата и свободы хозяйственного оборота, политической власти пролетариата и самых различных форм хозяйствования,—в общем и целом, всей массе коммунистической партии уже приелись или, скажем осторожнее, начинают приедаться. Переход от фронта военной борьбы на фронт хозяйственной разрухи ныне заканчивается как в сознании, умонастроении, так и в практической работе.

Отметим, однако, частичную правду в построениях этого единого фронта, правду, которую, чтобы она стала *полной* правдой, приходится только иначе формулировать, и которая вместе с тем является полнейшим оправданием новой политики со стороны всего фронта нашей контр-революции. Это—их утверждение, что основной причиной разрухи является уничтожение свободного хозяйственного оборота.

Совершенно верно, что *основной* причиной полного расстройства нашей хозяйственной жизни является факт непрерывной 3-летней борьбы русского пролетариата и крестьянства (сразу же после 4-летней войны империалистической!) со всем блоком русской контр-революции от меньшевиков до кадетов и черносотенцев включительно, при активной поддержке их со стороны всего мирового империализма. Подобной борьбы и героизма не знает мировая история, чтобы отсталая страна, как Россия, воюя непрерывно 7 лет, вышла бы победителем! И совершенно ясно, что в процессе этой напряженнейшей борьбы от «свободы хозяйственного оборота» остались лишь ножки да рожки. Страна управлялась по самым суровым законам военного времени. Государственное вмешательство, регулирование, управление, не в пример всем воюющим странам капитализма, должны были быть доведены до максимальной степени. Отсюда ясно, как день, что не меньшевикам и кадетам проливать слезы о разрухе и поучать нас о «свободе хозяйственного оборота».

Из войны мы вышли победителями и, не медля ни минуты, мы устанавливаем нормальную хозяйственную политику, соответствующую *экономике России в переходный период и интересам господствующего в ней пролетариата.* Конечно, наша новая хозяйственная политика отнюдь не даст «свободы печати» меньшевикам и кадетам, на чем так настаивает Мартов, и не восстановит «свободы хозяйственного оборота» в духе полного восстановления капитализма, как того добиваются Мартовы и Струве, но она *дает полную возможность всем ценным в организационном и административном отношении элементам старого мира проявить и приложить все свои знания и весь свой опыт.*

Мы заявляем: высший закон для нас—увеличение материальных ресурсов страны во что бы то ни стало, поднятие и развитие ее производительных сил, и все это—*всеми возможными методами и средствами.*

Республика наша, в результате меньшевистско-кадетского хозяйничанья, нашествий и грабежа обеднела и обнищала до-нельзя. Все запасы проедены, производственная деятельность разрушена. Мы это сознаем в полной мере, понимаем, что восстановление хозяйства потребует десятка лет, и делаем все вытекающие отсюда выводы.

Мы «развязываем» мелкую и кустарную промышленность, будем оказывать ей возможную помощь и поддержку. Ибо основное в настоящий момент—восстановить наше сельскохозяйственное производство, чем подводится твердый фундамент под социалистическое хозяйство. Мы будем сдавать капиталисту в аренду наши предприятия, *даже работающие*, при условии, если капиталист организует производство рациональнее, подымет их производительность выше. Мы согласны на *определенных* условиях сдавать в концессию даже наши крупные производственные единицы.

Мы понимаем, что в этом нет никакого «логического» противоречия с диктатурой пролетариата. Тем более, в приложении к России. Мы, *договариваясь* с капиталистами, даем поэтому им все необходимые гарантии и условия для рационального ведения дела.

Но, вместе с тем, мы ни на минуту не упускаем из вида, что процесс этот—процесс двусторонний, как, впрочем, все, пока существуют страны капиталистические одновременно и рядом с социалистическими.

Каждое новое арендованное предприятие обозначает рост и консолидацию враждебных нам сил. Появляется опасность устремления при нынешнем положении вещей как спецов, так и рабочих на мелкие, арендованные или концессионные предприятия. «Наш аппарат, как известно, тоже не из чистых», в смысле невозможности в довольно широких размерах подкупа, взяточничества и т. д. Все это так. Но какова другая сторона медали? Пролетарское государство освобождается от забот по всяческого рода снабжению, отдаваемого в аренду предприятия, получая тем самым возможность распределять свои скудные рессурсы по меньшему количеству производственных единиц, увеличивая долю каждой из них. Это—во-первых. Во-вторых, государственные рессурсы пополняются обязательными отчислениями арендаторами с их производства. Итак, в результате этой политики государство получает возможность *оздоровления* своего хозяйства и своих аппаратов, не путем приказов и распоряжений (от которых, впрочем, мы «принципиально» не отказываемся), а путем жизненной тарифной и снабженческой политики.

А это основное.

Поэтому безоговорочно за работу, не упуская ни на секунду из виду основного критерия: *максимум продуктов всеми возможными методами.* По количеству и качеству произведенного республика будет судить о работе каждой производственной ячейки.

Г. КРУМИН.

Мелкая промышленность и кооперация.

В нашей стране, стране мелкого хозяйства по преимуществу, кустарная и мелкая промышленность всегда играли значительную роль. Об этом с достаточной определенностью говорит данные о размере производства хотя бы за 1913 год фабрично-заводской, ремесленной и кустарной промышленности. Так было выработано в 1913 году:

Фабрично-завод. промышл. на	1.668.034.000 р.
Ремесленной » »	611.667.000 »
Кустарной » »	[illegible] »

Таким образом на изделия фабрично-заводской промышленности тогда приходилось 64% всего производства, на долю ремесленной—25% и кустарной—11%; всего ремесленная и кустарная промышленность вместе давали 36% всего производства. В мелкой промышленности было занято, по данным некоторых исследователей, не менее 3.000.000 населения. Промышленный кризис, переживаемый Советской Россией, конечно, изменил указанное соотношение между крупной и мелкой промышленностью, но не к выгоде первой. Правда, переживаемый страной кризис отразился также и на мелкой и кустарной промышленности, но не в такой мере, как на крупной. Простота и элементарность орудий производства, близость к источникам сырья и топлива, меньшая нужда в продовольствии—все это дало возможность кустарной и мелкой промышленности в значительной мере сохранить свои позиции, а в некоторых отраслях даже несколько развить свое производство. У нас нет сейчас точного учета всего производства кустарной и мелкой промышленности, но по некоторым отраслям по тем данным, которые у нас имеются, на долю кустарной и мелкой промышленности в настоящее время падает до 50% всей выработки.

При переживаемом кризисе крупной промышленности и при неизбежном сокращении фабричного производства, совершенно естественно в налаживающемся сейчас товарообмене между городом и деревней кустарная и мелкая промышленность будут играть значительную роль. Поэтому содействовать развитию кустарной и мелкой промышленности, использовать ее рессурсы для государственного товарообмена является прямой обязанностью государственных органов. Эту задачу с достаточной энергией подчеркнул тов. Ленин в своей известной брошюре «О продналоге», где он говорит: «Необходимо в известной мере помогать восстановлению кустарной промышленности, кот. не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, кот. может немедленно оказать помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы».

Но для того, чтобы кустарная и мелкая промышленность смогли выполнить возлагающиеся на них задачи, необходимо создать условия, при наличности которых эта промышленность могла бы развиваться. Для этого необходимы 2 условия: прежде всего следует уничтожить все те стеснительные рамки, в которые была поставлена деятельность кустарной и мелкой промышленности и которые мешали проявлению инициативы и самодеятельности кустарного населения. С другой стороны, нужно создать прочную правовую базу, которая бы обеспечивала спокойный труд кустаря и мелкого промышленника и поселила в них уверенность в завтрашнем дне. Эту задачу и поставил себе декрет о кустарной и мелкой промышленности, опубликованный 7-го июля с. г. Отменяя все прежние ограничения, декрет устанавливает, что каждый гражданин может заниматься любым кустарным промыслом и открывать любое мелкопромышленное предприятие в явочном порядке. Декрет вместе с тем предоставляет мелкому промышленнику и кустарю право свободной продажи своих изделий на рынке и закупки сырья, допущенного к свободному обращению, и орудий производства. Вместе с тем декрет устанавливает и ряд правовых гарантий: всякого рода национализация и муниципализация мелкопромышленных предприятий запрещаются вообще; конфискация и реквизиция этих предприятий допускаются только или по суду, или по специальным постановлениям Совнаркома. Но, обеспечивая самодеятельность кустарной и мелкой промышленности, декрет в то же время устанавливает для нее и известные ограничения в целях охраны труда. [illegible] промышленности обязательны все декреты об охране труда, найме и увольнении, тарифных нормах и т. д. Поставленные в новые условия этим декретом, кустарная и мелкая промышленность получают теперь возможность свободно развиваться.

Поставив очередной задачей—содействовать развитию кустарной и мелкой промышленности, мы должны были пересмотреть и свое отношение к промысловой кооперации. До сих пор условия гражданской войны вынуждали нас относиться к промкооперации с большой осторожностью и недоверием и на это мы имели достаточно серьезные основания. Кооперация относилась к нам с достаточной враждебностью, а в лучшем случае—пассивно. В целях реорганизации промкооперации, нам подчинить ее пришлось потребительской кооперации, стоявшей на точке зрения Советской власти и проводящей ее директивы. Но в действительности это подчинение привело не столько к обновлению промкооперации, сколько к ее уничтожению. Теперь для решения вопроса о промысловой кооперации создалась другая обстановка. Прежде всего сама кооперация в значительной мере переменила свою позицию. Она готова теперь сотрудничать с Советской властью и выполнять ее задания. С другой стороны, задачи, кот. стоят сейчас перед органами Советской власти в области кустарной и мелкой промышленности—задачи ее регулирования,—требуют настоятельно восстановления промкооперации, ибо работать организованно в области кустарной и мелкой промышленности и подчинить ее общему руководству государства возможно только тогда, когда мы имеем дело не с распыленным кустарем-одиночкой, а с кустарем организованным, об'единенным в артели и союзы. В лице кооперации мы имеем концентрированную мелкую промышленность, которая скорее и легче может быть подчинена воздействию государственных органов. Учитывая это значение, промкооперации, мы должны были и для нее также создать условия, при наличности которых она могла бы проявить свою самодеятельность. Вот почему наряду с декретом о кустарной и мелкой промышленности был издан 7-го июля и второй декрет—о промкооперации. Давая те же права и гарантии и промкооперации, кот. декрет о кустарной и мелкой промышленности дает кустарям и мелким промышленникам, декрет о промкооперации устанавливает в то же время, что дело кооперирования кустарей должно рассматриваться как дело государственной важности и вменяет органам Советской власти в обязанность оказывать кустарям всякое содействие в деле их кооперирования. Вместе с тем декрет уничтожает обязательное подчинение промкооперации потребительской кооперации и предоставляет промкооперации свободно устанавливать свои взаимоотношения с другими видами кооперации. Стремясь устранить всякие излишние преграды в создании артелей и союзов в пределах губернского масштаба, декрет устанавливает явочный порядок для их возникновения. Давая возможность свободно возникать артелям и союзам местного характера, декрет, однако, ставит под особый контроль органов Советской власти возникновение областных и всероссийских об'единений промкооперации. Возникновение таких союзов, охватывающих в своей деятельности большие районы, даже всю Россию, имеют не только экономическое, но и политическое значение, так как деятельность таких союзов может оказать серьезное влияние на осуществление общей политики Советской власти. Вот почему для возникновения таких союзов установлен порядок разрешительный, причем разрешение дает ВЦИК.

Проводимая в настоящее время политика, нашедшая свое выражение в недавно опубликованных декретах, ставит перед органами Советской власти в области кустарной и мелкой промышленности и промкооперации в значительной мере и новые задачи. Если раньше, в виду требований военного времени мы шли по пути строгого регламентирования всякой частной инициативы, то теперь, наоборот, мы должны развязывать эту инициативу. Для этого необходимо выработать и установить новые методы управления промышленностью, основанные не на принципе мелочной регламентации, а на принципе содействия развитию самодеятельности местного населения и создания основ такой экономической политики, которая направляла бы эту инициативу для достижения задач, которые ставят себе органы Советской власти. Содействуя, однако, развитию кустарной промышленности, устраняя всякие помехи для ее самодеятельности, органы государственной власти вместе с тем вовсе не должны устранять себя от всякого вмешательства в экономическую жизнь и отказываться от регулирования кустарной и мелкой промышленности. Было бы глубокой ошибкой со стороны наших государственных органов, если бы они предоставили развивающуюся сейчас «мелкобуржуазную стихию» ее свободному развитию. Перед нашими органами стоит сейчас сложная задача: отказавшись от методов административного вмешательства в жизнь кустарной и мелкой промышленности и промкооперации, выработать и усвоить такие методы экономического на нее воздействия, которые позволили бы использовать ее возможно полнее в интересах государства. Для этого у государства есть достаточно могучие средства и помимо административного вмешательства. Имея в своем распоряжении значительные сырьевые фонды, денежные знаки, железнодорожный транспорт, являясь главнейшим потребителем кустарных продуктов,—государство может оказать значительное влияние на кустарную и мелкую промышленность, но для этого необходимо, чтобы государственные органы выступали на рынке согласованно, а не конкурировали друг с другом.

Государственные органы должны поставить себе задачей привлечь кустарную и мелкую промышленность [illegible] возможно полнее к работе на государство. [illegible] но и нашу крупную промышленность. Целый ряд производств и раньше, в особенности теперь во многом связан с мелким и кустарным производством. Достаточно указать хотя бы металлопромышленность, которая нуждается в мелких частях к машинам и орудиям, к производству которых легко приспособиться мелкий производитель. Некоторые моменты в текстильном производстве тоже могут быть заполнены им же.

Развитие кирпичного дела, химического, даже электротехнического может развернуться более быстрым темпом при содействии со стороны кустарей и частных предпринимателей нашей крупной промышленности.

Новые декреты устанавливают в целях привлечения кустарных и мелких производителей собственников к работе на государство только одну форму—договор. Никаких принудительных мер для этого не допускается. Понятно, что при теперешних условиях у кустаря и кооперации будет большой соблазн работать на свободный рынок. Поэтому необходимо создать такое положение, при котором работа на государство была для кустаря и мелкого промышленника выгоднее, чем работа на рынок. Для этого необходимо установить для тех артелей и союзов, которые работают на государство, условия наибольшего благоприятствования. Те артели и союзы, кот. работают исключительно или главным образом на государство, должны освобождаться частично или полностью от трудповинностей, снабжаться денежными знаками, получать премирование предметами производства и потребления, иметь преимущества в области пользования транспортом и пользоваться другими привилегиями. Наши органы, ведающие кустарной промышленностью, должны тесно связаться с промкооперацией, стать для них полезными и нужными и получить, с своей стороны, возможность влиять на их работу.

Таковы те задачи, кот. сейчас стоят перед органами Советской власти. Эти задачи сложнее и труднее, чем те, которые стояли раньше. Они требуют большей организованности, большей гибкости наших аппаратов, но мы не сомневаемся, что наши органы сумеют преодолеть стоящие перед ними затруднения и их работа даст свой положительный результат.

В заключение мы хотели сказать еще несколько слов о задачах, которые стоят и перед нашей партией. Мы сейчас стоим перед фактом быстрого восстановления промысловой кооперации, которая будет играть серьезную роль в деле регулирования нашей мелкой и кустарной промышленности и станет, таким образом, значительным фактором нашей экономической жизни. В настоящее время по данным, имеющимся в центре, всего в России насчитывается до 6.044 зарегистрированных артелей. В действительности их более, так как не о всех артелях имеются сведения. В провинции сейчас идет энергичная работа по организации районных и губернских союзов. Между тем наши партийные органы до сих пор мало обращали внимания на кустарную промышленность и промкооперацию. Если в потребкооперации мы сумели занять руководящее положение и потребкооперация стала органом, проводящим политику Советской власти, где рабочий класс имеет руководящее влияние, то в области промкооперации мы ничего

[illegible] ... и в области кустарной и мелкой промышленности и промкооперации могут быть осуществлены те задачи, которые сейчас стоят перед Советской властью.

В. ЛЕОНТОВ.

Новый курс земельной политики.

В ночь на 25 октября 1917 г. было заключено первое соглашение между пролетариатом и крестьянством. Пролетариат принял крестьянскую программу земельной революции—*социализацию земли*. Действительным содержанием этой программы было: передача всей земли в руки крестьянства и равномерное распределение этой земли. [illegible]

[illegible] ... остающейся у крестьянина после выполнения налога, он может распорядиться по своему усмотрению. Это заставляет его произвести как можно больше продуктов. Появляется сильнейший стимул личной заинтересованности земледельца в лучшей организации его хозяйства. [illegible]

[illegible] ... товарами:

1) Государственная промышленность; 2) кустарная промышленность; 3) частно-капиталистическая промышленность; 4) концессии; 5) заграничный рынок.

Отметим, между прочим, что советские деньги могут также играть самостоятельную роль в качестве средства реализации продуктов сел. хоз., т.-е. со стороны крестьянина будет продажа без последующей покупки.

Все эти источники будут оказывать влияние на крестьянское хозяйство и с этой точки зрения их можно разделить на 2 группы: 1) *государственные* источники товаров (государственная промышленность, концессии, поскольку последние будут сдавать продукты государству, внешняя торговля, поскольку она останется в руках государства) и *частные*—все остальные.

Ключ всей нашей аграрно-крестьянской политики находится в первой группе. Чем больше будет в руках государства товаров, тем сильнее будет влияние государства на крестьянское хозяйство. В настоящее время, благодаря внутренней разрухе и ничтожным размерам внешней торговли, на рынке промышленных товаров почти нет. Возможности для крестьянского хозяйства реализации своих продуктов на рынке самые ничтожные. Государственные ресурсы промышленных товаров и соответствующая им возможность экономического влияния государства на крестьянское хозяйство также весьма незначительны. Можно ли при этих условиях переходить к методам преимущественно *экономического* воздействия на крестьянское хозяйство? Нам кажется, что *да*.

Наиболее ярким выражением политики внеэкономических факторов в области сельского хозяйства, соответствовавшей политике разверсток, является обязательный посевной план, перераспределение семян и принудительная обработка земель маломощных домохозяев. Эти меры преследовали две основных цели: 1) максимальное расширение площади посева и 2) установление пропорции культур, необходимой с точки зрения всенародного хозяйства. Принудительное проведение посевного плана для первой цели не нужно. Всякий, работающий практически в земледелии, знает, что крестьяне даже весной стремились засеять максимум земли. Сейчас крестьянство буквально *рвется к земле*, лучшим доказательством чего является с каждым днем увеличивающееся количество земельных тяжб. Не требует доказательств тот факт, что крестьяне стараются расширить посевную площадь и произвести наибольшее количество продуктов, и не потому, что их заставляют это делать посевкомы. Причина этой старательности ясна—*открытые рынки*.

Но ненужен посевной план и для другой цели—установления пропорции культур. Заставить *каждого отдельного крестьянина* засеять землю тем, что предлагает государство, было неслыханно трудно и *еле* осуществимо *при продовольственной монополии*. Извольте достать каждого Ивана из Москвы, когда мы не овладели еще в должной мере, напр., волостным аппаратом. Но тогда это было *абсолютной необходимостью*, так как иных средств приостановить разложение сельского хозяйства и повлиять на крестьянское хозяйство не было. Только люди с консервированными мозгами могут утверждать, что ненужен был посевной план. Провести принудительный посевный план—это значит регламентировать и при том в деталях, крестьянское хозяйство. Но ведь нам это не удалось даже в промышленности и не даром мы организуем пользующийся полной хозяйственной инициативой государственный *льнотрест*. Неосуществимо и вредно с точки зрения производственной при настоящих условиях учесть и заставить работать на основании этого учета по государственному плану *миллионы* крестьянских хозяйств.

Несмотря на то, что наши возможности в смысле экономического овладения крестьянским хозяйством ничтожны, мы тем не менее принуждены теперь же переходить к политике преимущественно экономического воздействия. При наличии даже нынешнего тощего рынка внеэкономическое воздействие на крестьянское хозяйство является невозможным. Рынок окажется сильнее государственного аппарата. Нельзя заставить тысячи крестьян засеять определенную площадь льном, если им кажется, что выгодней посадить на ней картофель. В таком случае не только действительная возможность обмена на промышленные товары сельско-хозяйственных продуктов, но даже только *надежда* крестьянина такую реализацию (ведь он товарные запасы рынка не учитывает) окажется сильнее приказа посевкома.

Поэтому, несмотря на то, что наши товарные ресурсы весьма незначительны, мы все же должны перейти к методам преимущественно экономического воздействия.

Но в защиту принудительного проведения посевного плана могут сказать, что посевной план нам нужен как *производственная предпосылка продналога*. Кажется ясно и убедительно: даем государственное задание каждому крестьянскому хозяйству и потом в виде налога спрашиваем с него выполнение этого плана. Но, во-первых, даже таким доводом не убедишь крестьянина в необходимости выполнить государственный план, когда у него под боком рынок; во-вторых, поступление основных продовольственных продуктов государству обеспечено и без государственного посевного плана; в-третьих, уже теперь имеющихся средств экономического воздействия достаточно, чтобы побудить крестьян расширить площадь специальных культур; в-четвертых, экономические и политические отрицательные стороны регламентации путем посевного плана остаются в силе; в-пятых, в силу вышеуказанных соображений размер фактической посевной площади и пропорция составляющих ее культур будут определяться не заданным посевным планом, а действительными ресурсами крестьянского хозяйства, влиянием рынка, хозяйственной инициативой населения и пр., и потому учет посевных площадей, необходимый для продналога, должен иметь место и при посевном плане; в-шестых, налог накладывается пропорционально пахоте, а не посевным площадям.

По существу этот довод о сохранении посевного плана для целей продналога имеет *грошевую* цену, так как ставит разрешение вопроса огромной политической важности—о характере всей нашей земельной политики, в зависимость от вопроса *технического*.

Чтобы улучшить технику продналога, нужно не посевной план сохранить, а поставить на должную высоту учет посевных площадей и улучшить аппарат продорганов.

Наши средства экономического влияния на крестьянское хозяйство *весьма* ограничены, но это значит только, что *тем полнее* мы должны их использовать.

Необходимо теоретическое и практическое путем проверки на опыте изучение всеми работниками земледелия этих методов экономического воздействия. Прежде всего возможно путем различных налоговых комбинаций, повышая или понижая ставки продналога, увеличить производство тех или иных продуктов. С этой целью необходима широкая индивидуализация практического применения общих норм налогового законодательства к отдельным районам.

Такая индивидуализация может дать нужные результаты, если она будет основана на местном опыте. Поэтому изучение практики продналога важно не только для продовольственников, но в равной мере и для работников по земельной политике. Лучшим рычагом экономического влияния на крестьянское хозяйство является *сельско-хозяйственная кооперация*. Всемерное поощрение и развитие сельско-хозяйственной кооперации—наша важнейшая задача в земледелии. Путем договоров с сельско-хозяйственной кооперацией и с отдельными крестьянскими хозяйствами мы можем распространять необходимые сельско-хозяйственные культуры. *Этой политике договоров, которая должна заменить собой политику обязательного посевного плана, мы придаем особое значение.* В то же время государство должно принять все меры к тому, чтобы сосредоточить в своих руках наибольшее количество промышленных товаров, чтобы с их помощью влиять на направление крестьянского земледелия. Товарообмен между за границей и русским крестьянством через Советскую власть может также сыграть огромную роль в этом деле. Такое же влияние на крестьянское хозяйство Советская власть может оказать через сельско-хозяйственную кооперацию, допустив последнюю на определенных условиях к товарообмену с за границей. Словом, у нас есть большие возможности экономически влиять на крестьянское хозяйство с помощью заграничных товаров.

Новая земельная политика должна проделать огромный эволюционный путь, который открывает перед нами широкие перспективы *экономического регулирования* сельского хозяйства. На этом пути мы поднимем производительные силы сельского хозяйства, разовьем нашу промышленность и скуем нерушимый пролетарско-крестьянский союз.

В. КУРАЕВ.

Земельная политика Советской власти неразрывно связана с ее продовольственной политикой. Последняя определяет первую. Политика разверстки с неумолимой логикой привела нас к посевному плану, перераспределению семян и трудовой повинности. Разверстка убила в крестьянине стремление к увеличению производительности его хозяйства. Чтобы сельское хозяйство поддержать, пришлось на место личной заинтересованности земледельца выдвинуть государственное *принуждение*. Такая политика при нынешнем хозяйственном состоянии России может иметь успех только на короткий срок и при исключительно благоприятных политических условиях, когда середняцкая масса без колебаний идет за пролетариатом и готова на всякие жертвы. Принудительный посевной план, проведенный государственными органами трудовой взаимопомощи и т. п., это—политика преимущественного влияния *внеэкономических факторов*.

Замена разверстки налогом, оставляя неизменной основную линию нашей земельной политики (см. программу Р. К. П.), круто меняет методы ее *практического приложения*.

Введение натурналога означает отмену монополий на сел.-хоз. продукты и разрешение свободной торговли. Продуктами, [illegible]

*) Редакция считает не все положения тов. Кураева абсолютно доказанными.

Аренда в промышленности.

Среди мероприятий, которые выдвинуты новым поворотом экономической политики, ставится также вопрос об аренде. Посмотрим, в какой мере это будет способствовать укреплению хозяйственного положения страны. Основной фактор, на котором может строиться здоровое хозяйство,—крупная промышленность, которая выбрасывала бы на рынок в потребном количестве все необходимые для населения предметы. Поэтому, рассматривая в дальнейшем вопрос об аренде, мы не должны забывать, в какой мере введение аренды отразится именно на нашей крупной промышленности. Проведение аренды подразумевает предварительную плановую работу, для того, чтобы проведение это не пошло в хаотическом беспорядке, в результате чего может быть только распыление хозяйственных ресурсов.

Основная задача, которую ставит себе государство,—создание таких условий для государственной крупной промышленности, которые позволили бы государственным органам полностью обеспечить ее процветание и возможность руководить ею без привлечения «варягов» как из-за границы, так и внутри страны. Но для того, чтобы сосредоточить все внимание и ресурсы страны на крупной промышленности, необходимо разгрузить себя от забот о тех сотнях и тысячах мелких, частью средних предприятий, которые остались в руки государства, и по недостатку ресурсов стоят в большинстве случаев закрытыми, не принося никакой пользы. Разгрузка от таких бездействующих предприятий и является первой задачей применения аренды. С другой стороны, сдача в аренду и пуск целого ряда мелких предприятий с привлечением частной инициативы и тех местных ресурсов, которые до сих пор не поддались учету, выявит новые средства и силы, благодаря которым усилится приток необходимых предметов для снабжения населения, что в конечном итоге будет способствовать улучшению хозяйственных условий населения и укреплению всего хозяйственного организма страны. Изданный С. Н. К. декрет об аренде (5-го июля с. г.) и следующая за ним инструкция ВСНХ по его применению предусматривают подробно порядок проведения его в жизнь, и на этом порядке необходимо немного остановиться.

В декрете и инструкции, как основная мысль, положены следующие положения: 1) государство при сдаче в аренду не затрачивает никаких ресурсов на поддержание сдаваемых в аренду предприятий, а наоборот должно выговорить себе максимум выгод, в форме арендной платы. Декрет специально оговаривает (ст. 8), что никаких обязательств по снабжению сдаваемых в аренду предприятий, их рабочих и служащих государство на себя не берет, исключение допускается только в тех случаях, когда заказы дает государственное учреждение, но не иначе, как по особому каждый раз разрешению президиума ВСНХ. Таким образом, все сдаваемые в аренду предприятия, которые будут работать на государство, поступают под непосредственный контроль ВСНХ, которому направляются с мест соответствующие договоры, и 2) в аренду должны сдаваться неработающие и слабо работающие предприятия (ст. 1 инструкции).

При сдаче в аренду, предприятия делятся на три категории: самые мелкие предприятия сдаются в аренду непосредственно Губсовнархозами, предприятия средние сдаются Губсовнархозами, но договоры их посылаются на утверждение ВСНХ, и, наконец, предприятия крупные сдаются исключительно непосредственно ВСНХ. Губсовнархозы обязаны теперь же пересмотреть все находящиеся в их управлении предприятия и тщательно установить, какие предприятия могут быть поддерживаемы средствами Губсовнархоза и работать без привлечения арендаторов, выделить далее те предприятия, которые Губсовнархозы хотя и не в состоянии поддерживать, но которые, в виду их специально государственного значения (оборонные заводы) или других причин, нежелательно сдавать в аренду, и предпочтительнее временно оставить закрытыми, пока не улучшатся общие условия снабжения, и, наконец, наметить, как разницу двух указанных групп предприятий, те предприятия, которые Губсовнархозы могут сдавать в аренду. Проделав такой отбор, Губсовнархозы обязаны создать у себя специальный орган по сдаче в аренду, с привлечением в этот орган опытных товарищей юристов, а также коммунистов, которые должны с наибольшей осторожностью подойти к каждому договору, составляя его согласно инструкции ВСНХ и оговаривая тщательным образом срок сдачи в аренду, качество выпускаемых изделий, ответственность за сохранность передаваемого в аренду имущества, права Губсовнархоза на контроль, арендную плату, права Губсовнархоза на расторжение договора и т. д.

При сдаче в аренду, при прочих равных условиях, должно отдаваться предпочтение кооперации и различным об'единениям, при чем особое внимание необходимо обратить на рабочие товарищества, когда група рабочих желает взять на себя аренду того или другого завода. Здесь Губсовнархоз всячески должен итти навстречу такому начинанию, дабы помочь рабочей инициативе и энергии в полной мере проявить себя. Далее, сдача в аренду требует создания специального органа контроля, как при Губсовнархозе,—по надзору за выполнением договора и за техническим состоянием сданного в аренду предприятия, так и при местном Губисполкоме,—органа для соблюдения государственных интересов и привлечения в нужных случаях к ответственности злостных и недобросовестных арендаторов. Первое время на аренду бросится масса спекулянтов, которые будут стремиться получить предприятия для того, чтобы распродать их оборудования, оставшиеся материалы и сырье, при чем в отдельных случаях будут пользоваться неопытностью Губсовнархозов и проводить договоры, убыточные для государства. Что это предположение неголословно можно доказать поступающими уже в ВСНХ некоторыми проектами договоров, которые носят явно спекулятивный характер, где наши товарищи из Губсовнархозов становятся жертвой обмана. Борьба с допуском спекулянтов к аренде должна быть об'явлена самая жестокая, и все органы надзора и ЧК должны быть привлечены к этой борьбе.

Мы получаем также ряд сведений с мест, что закон об аренде вызвал естественную тревогу среди товарищей рабочих, особенно в предприятиях, которые предполагается сдать в аренду. Здесь нужно резко подчеркнуть, что введение аренды ни в какой мере не знаменует отказа государства от сосредоточения в своих руках руководства промышленностью и передачи ее в руки старых владельцев-капиталистов, ибо все меры должны быть приняты, чтобы к аренде притянуть новые силы и ресурсы, в лице кооперативов, различных об'единений и инициативу отдельных лиц, в первую очередь в области мелкой, неиспользованной нами, промышленности. Что касается крупной промышленности, то здесь сдача в аренду возможна только после самого тщательного обсуждения, когда государство абсолютно не в состоянии будет поддержать соответствующие предприятия, и арендатор сможет для поднятия этих предприятий привлечь крупный капитал (а это возможно исключительно за счет заграничного капитала), и сдача в аренду, в сущности говоря, будет носить в этом случае характер, до известной степени, концессионный.

Основным же выходом из того тяжелого положения, в котором находится наша промышленность, является принцип перевода работы наших крупных государственных предприятий на начала хозяйственного рассчета, с расширением их права самозаготовок и товарообмена для обеспечения полного снабжения предприятий и питания рабочих. Только сосредоточение в руках государства крупной промышленности может дать должную силу и мощь государству, руководимому пролетариатом.

П. БОГДАНОВ.

Внешняя торговля Советской России.

С начала более или менее регулярных закупочных операций в мае 1920 года и по настоящее время Наркомвнешторгу удалось в значительной степени развить закупки и ввоз иностранных товаров.

Нижеследующая табличка показывает возрастание нашего ввоза:

ввоз в пудах в 1921 г.

С 18/IV по 31 XII—20 г.	5.223.357
Январь	736.700
Февраль	1.602.400
Март	623.000
Апрель	2.113.800
Май	3.457.500
Июнь	2.834.700
Итого	11.368.100
Всего с 18 IV—20 г.	16.601.457

Развитие внешней торговли особенно заметно за вторую четверть 1921 года, за которую ввезено 8.406.000 пуд. товаров.

Первые шаги заграничной торговли в отдельных ее центрах сопровождались большими недочетами и детскими болезнями. Это было следствием не только общей нездоровой полуспекулятивной атмосферы, но также неопытностью и недостатками самого аппарата. Теперь в таких странах, как Англия, Германия, Швеция, Внешторг обладает торговым аппаратом, способным справиться с любыми заданиями.

Международные отношения сейчас сложились настолько удовлетворительно для нас, что никаких практических препятствий к закупкам какого угодно рода товаров фактически не существует.

Важнейшим препятствием в деле экспорта, кроме бедности нашего товарного фонда и плохой организации его сбора, сортировки, подвоза и отпуска за границу, является затяжной кризис европейской промышленности и торговли, понизивший спрос на важнейшие виды сырья.

Во всей нашей заграничной торговле, как в области ввоза, так и в области вывоза, мы опираемся прежде всего, на централизованный аппарат Наркомвнешторга, действующий за границей через свои торговые миссии и через уполномоченных. Отказаться от государственной монополии на внешнюю торговлю и открыть свободные двери частным торговцам на нашей границе мы ни в каком случае не можем. Такая свобода означала бы уже в ближайшие месяцы полное разорение для нашей страны.

Но сохранение государственной монополии внешней торговли, как основного положения нашей внешней экономической политики, вовсе не означает, чтобы деятельность Наркомвнешторга и его органов не должна и не могла бы приспособиться к тем изменениям нашей экономической политики, которые известны под именем «нового курса».

Эти крупные перемены ставят перед Наркомвнешторгом целый ряд новых задач, которых не существовало, когда курс наш был на полную социализацию всего производства.

Может ли Внешторг обслуживать все эти вновь возникшие запросы и требования без нарушения основных принципов национализации внешней торговли?

Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно.

Обслуживание производственных комиссариатов, Главков и Центров уже сейчас совершается Внешторгом и дело постепенно совершенствуется.

Главки и Центры тех отраслей промышленности, которые нуждаются в особенно значительном количестве заграничных товаров или в исключительно срочной доставке или в товарах строго определенного качества, уже сейчас имеют возможность посылать за границу своих представителей для отыскания таких товаров, переговоров с производителями, надзором за исполнением и приемкой интересующих их изделий. Для заказа железнодорожных материалов за-границей уже с прошлого года действует специальная железнодорожная миссия, и НКПС имеет возможность самого полного контроля над приобретением, качеством, приемкой и отправкой заказов для наших железных дорог. ВСНХ имеет за границей своих постоянных уполномоченных по заказам электротехнических материалов, оборудования для горной и для бумажной промышленности. В ближайшем будущем будут командированы за границу представители целого ряда других важных производственных Главков. Наркомзем с самого начала работы за-границей торговой делегации имеет в Лондоне своего специалиста.

Это сочетание чисто торгового аппарата Внешторга, который заключает в себе коммерческий опыт, коммерческие связи, умение на наивыгоднейших условиях заключить договор, обставить надлежащим образом приемку, отправку, страховку, погрузку и выгрузку товаров, с техническими представителями отдельных производственных Главков, дающих конкретные задания торговым органам Внешторга и исполняющих всю техническую подготовительную работу, а также надзор за технически важными заказами в процессе их исполнения, эта комбинация при наличии централизованного аппарата уже теперь дает возможность нашим Главкам, Центрам и производственным комиссариатам заказывать за границей товары на условиях не менее, а даже более выгодных нежели, если бы те же заказы шли через посредство частно-владельческого аппарата,—комиссионеров, маклеров и проч. Уже теперь, делая только первые шаги,—а ведь, и сам русско-английский торговый договор заключен всего каких-нибудь 4½ месяца тому назад,—торговые миссии Внешторга являются на заграничном рынке крупнейшим покупателем. В недалеком будущем Советская Россия будет самым крупным покупателем и одним из крупнейших продавцов на мировом рынке, и уже один этот большой масштаб наших торговых сделок позволит нам добиваться таких выгод, цен, скидок и таких условий платежа, которые были бы недостижимы для частных фирм или для отдельных наших Главков и Центров, если бы они выступали разрозненно, а не через об'единенный аппарат Внешторга. В мае месяце мы заключили в Берлине весьма благоприятный для нас договор, предоставляющий в наше распоряжение весь громадный технический, административный и коммерческий аппарат такого мирового судоходного треста, каким является Гамбург—Америка линия.

Допуская уже теперь представительства за-границей от главнейших производственных органов, НКВТ будет делать то же по отношению к кооперации, в которой он видит своего ближайшего сотрудника, в первую очередь, во всем, что касается сбора, закупки, сортировки и доставки сырья, и, вообще, организации экспортной торговли. Не отказываясь от попытки работать собственными органами, НКВТ надеется большую часть работы по собиранию экспортного фонда возложить на кооперацию, и, вероятно, настанет момент, когда почти вся эта работа будет вестись кооперацией и даже самый сбыт за границей будет производиться представителями кооперации, лишь под общим руководством органов Внешторга. То же самое относится и к заграничным закупкам. Когда кооперация сумеет вновь развить внутри страны свою работу, свой производственный план и сама станет крупнейшим потребителем иностранных товаров, то, конечно, и она получит за границей своих постоянных представителей.

В особенности важная роль предстоит кооперации в распределении среди крестьянства тех земледельческих орудий и предметов широкого потребления, которые должны быть доставлены деревне, для получения в обмен излишков сельскохозяйственного производства, в дополнение к продналогу.

Закупки товаров широкого потребления частично должны быть произведены также на заграничном рынке, и Внешторг уже теперь приступил к исполнению этого задания.

Таким же порядком пойдет снабжение необходимым материалом, инструментом, образцами и проч. кустарей.

Отделение Центросоюза в Англии «АРКОС» уже сейчас осуществляет весьма значительное предприятие этого рода, именно организацию экспедиции из 5 пароходов с общей вместимостью грузов около миллиона пудов для отправки их через Ледовитый океан и Карское море к устьям великих Сибирских рек Оби и Енисея.

ВСНХ уж приступил к сдаче в аренду различных промышленных предприятий как кооперативным об'единениям, так и частным лицам.

Поскольку эти арендаторы будут закупать за границей необходимые для их предприятий товары на собственные средства или на средства своих заграничных компаньонов, Внешторг не намерен стеснять их деятельность и оставляет за собой лишь общий контроль за тем, чтобы в страну не ввозились недозволенные или излишние предметы и материалы. Но мы думаем, что уже теперь большинству из арендаторов окажется выгоднее, по крайней мере, некоторые из закупок за границей, производить через аппараты Внешторга.

Несколько иначе обстоит дело с крупными концессионерами. По большинству концессионных договоров концессионеры, вероятно, обеспечат за собой право свободного ввоза необходимых для предприятий оборудований и материалов из-за границы, а также будут иметь право свободного вывоза за границу части производимых продуктов.

Но это не значит, чтобы в деле кон-

Новый курс экономической политики.

Целью настоящей статьи является выяснить *общий смысл* нашей новой экономической политики, ее причины, ее цель, ее значение в общей *перспективе* развития нашего народного хозяйства к коммунизму.

Ибо то, чего недостает многим нашим товарищам по партии,—это именно перспективы: как будто она утрачена, как будто ясные и отчетливые линии расплылись в чем-то туманном и в высшей степени неопределенном.

I. Причины поворота экономической политики.

Причины «нового курса» лежали глубоко в сфере нашей экономики, и внешним образом проявились в необычайно остром социально-политическом кризисе весною 1921 года.

Наша хозяйственная политика эпохи, так называемого «военного коммунизма», по существу дела не могла быть политикой, направленной на развитие производительных сил. «Ударной» и притом всеоб'емлющей задачей была задача красной обороны страны. Сюда шли все: материальные ресурсы, организаторские силы, словом, все квалифицированные элементы хозяйствования. По отношению к народному хозяйству при таком положении вещей, основным лозунгом была не забота об его прочном восстановлении (военная «мелиорация» реализуется не «сию минуту»), а немедленное получение продукта хотя бы ценой подрыва производительных сил. Не «производить», а «взять»; взять для того, чтобы снабдить в кратчайший срок Красную армию, рабочих оборонных заводов и т. д. Это и только это стояло в центре внимания. Победа над силами контр-революции, есть историческое оправдание этой политики. При таких условиях оказывая целесообразность, поскольку ее [illegible] *производства* при правильном распределении в план экономного *потребления* при второстепенном значении производства.

Чрезвычайно ярко это сказывалось на сельском хозяйстве. Наша хозяйственная политика здесь сводилась почти исключительно к политике наркомпрода, т.-е. к реквизиционной системе продразверстки. При этой системе, однако, индивидуальный производитель, крестьянин, лишался интереса, стимула, к расширению производства: все равно возьмут, кроме части на прокорм, сколько ни расширяй запашки. Таким образом, здесь был налицо конфликт между потребностями развития индивидуального хозяйства и нашей политикой. Но так как сельское хозяйство России, есть *крестьянское* сельское хозяйство (государственное хозяйство совхозов играет в общем и целом очень незначительную роль), то наша хозяйственная политика стояла—и не могла во время войны не стоять—в об'ективном противоречии с *развитием* всего сельского хозяйства: кризис сельского хозяйства должен был обостриться, и он обострился в действительности. А так как базисом нашей индустрии у нас является сельское хозяйство, то в общем и целом это было и обострением *кризиса народного хозяйства вообще*.

Отсюда неизбежно вытекало и следующее. То равновесие между классами, которое установилось во время гражданской войны, опиралось не на «нормальный» хозяйственный процесс, а на [illegible] военную заинтересованность пролетариата и крестьянства. Конечно, этот военно-политический союз был обоснован и экономическими мотивами: пролетариат получал хлеб за защиту крестьянской земли от помещика. Но в то же время совершенно ясно, что как только отпал факт войны, чисто экономические противоречия должны были обостриться до крайности. [illegible] хозяйства, развития производительных сил, мыслимого по отношению к сельскому хозяйству лишь в форме роста *мелкобуржуазного* хозяйства. Правильное соотношение между пролетариатом и крестьянством в экономике, т.-е. такое соотношение, которое давало бы простор *развитию* производительных сил, стало в порядок дня со всей остротой.

Это основное противоречие всей революции—процесс развития к коммунизму при мелкобуржуазном характере страны—выразилось в резком *социальном кризисе*.

При общем процессе экономической разрухи город разоряется быстрее деревни; тот, кто командует хлебом, получает экономически преимущества над тем, кто командует продуктами городской промышленности. Экономически деревня высвобождается из-под власти города в той мере, в какой происходит разрушение производительных сил. Это происходило повсеместно во всех странах во время войны. Это же происходило и в России, где удельный экономический вес крестьянина повысился по сравнению с экономическим весом рабочего. К тому же в России, где рабочий класс стал у власти, *именно потому*, что он стал у власти, ему пришлось разбросать свои силы (для управления 160 милл. населения, для Красной армии и т. д.). Промышленная же разруха превратила значительную часть рабочего класса в деревенских ремесленников, а часть рабочих, оставшихся в городах, в мелких производителей другого порядка (выделка зажигалок, самостоятельная работа на себя и т. д.).

При развитии производительных сил мелкая промышленная буржуазия превращается в пролетариат. При разрухе пролетариат превращается в мелкую буржуазию. Выделыватель зажигалок заинтересован в свободной торговле прямо и непосредственно, так же, как ремесленник или кустарь, или крестьянин.

Из 3 милл. рабочих *) [illegible] миллиона вместе с 700.000 коммунистами [illegible] ми были против свободной торговли. При таком положении вещей мелкобуржуазный напор на кадровый пролетариат, напор, за спиной которого были к тому же реальные противоречия экономики военного коммунизма, грозил смести диктатуру пролетариата. Так экономические причины и причины политические слились в одно целое. Партия пролетариата вынуждена была учесть изменившееся соотношение классовых сил. Партия пролетариата должна была в этой изменившейся кон'юнктуре поставить перед собой *новую* задачу, задачу *поднятия производительных сил*. Процесс демобилизации, отмена блокады и т. д. давали уже реальную возможность для этой работы. Наступила новая полоса. Стал необходимым «новый курс».

II. Основная задача «нового курса».

При всех и всяких условиях, при любом курсе экономической политики для строительства коммунизма основными интересами являются интересы крупной промышленности. Крупная промышленность есть исходный пункт всего технического развития; крупная промышленность есть база экономических отношений коммунистического общества; крупная промышленность есть опора социальной силы, осуществляющей коммунистическую революцию, индустриального пролетариата. Поэтому основной задачей хозяйственной политики, идущей по линии развития производительных сил, является укрепление крупной промышленности.

Но как только мы ставим вопрос об укреплении крупной промышленности, сейчас же мы сталкиваемся с целым [illegible] «больным» вопросом. Для укрепления крупной промышленности нужны «фонды» (фонды продовольствия, сырья, дополнительного оборудования и т. д.). И здесь нам грозит опасность [illegible] *чества продуктов во что бы то ни стало и какими-угодно средствами*.

Во что бы то ни стало! Потому что иначе у нас не будет элементарнейших предпосылок для этого под'ема. На призывах к трудовому энтузиазму без сырья, без продовольствия и т. д. далеко не уедешь, как показал опыт предыдущего.

Какими угодно средствами! Потому, что это *дополнительное* количество продуктов, которое должно влиться в нашу крупную индустрию, должно быть взято *вне*, не из сферы самой крупной индустрии, находящейся в руках рабочего государства, а со стороны, из других, внешних источников, какой бы ценой мы эти источники ни оплатили.

Это увеличение количества продуктов есть верховный закон текущего экономического момента. В вышеприведенном положении сказывается «вся мудрость» нового курса, его основа. На этот вопрос нужно ответить: да или нет. Здесь третьего не дано.

Какие же источники дополнительного количества продуктов мы можем иметь? Эти источники суть следующие: крестьянское хозяйство, мелкая промышленность, аренда, концессии, внешняя торговля.

Крестьянское хозяйство есть, как всем известно, хозяйство индивидуалистическое, мелкобуржуазное. Но выше мы уже видели, что без усиления, роста [illegible] хозяйства нам не обойтись. Наоборот, его под'ем есть необходимое условие роста нашей крупной индустрии. [illegible]

Аренда мыслима в двух формах: в виде капиталистической аренды (сдача предприятия капиталисту), или же в виде сдачи предприятия рабочим коллективам. Во втором случае перед нами не будет капиталистической опасности, но у рабочих коллективов обычно не будет хватать оборотных средств. В случае капиталистической аренды предполагается, что перед нами—не спекулятивный арендатор, а организатор производства, который внесет в той или другой форме капитал. [illegible] сырье, продовольствие и т. д. он должен будет не из государственных складов, а из сферы крестьянского хозяйства и мелкой промышленности. Так как в аренду будут сдаваться, главным образом, предприятия бездействующие, плохо работающие и т. д., и так как в виде арендной платы пролетарское государство будет иметь добавочное количество реальных ценностей, то эти ценности войдут в состав необходимого фонда крупной социализированной индустрии.

Концессии представляют собой по существу ту же аренду. Но здесь мы будем иметь перед собою капиталистических арендаторов более высокой марки, которым придется вносить часть основного капитала (машины, оборудование, постройки и проч.).

[illegible]

III. Хозяйственная стратегия и опасности «нового курса».

В этом росте непролетарских, буржуазных, капиталистических форм, таится большая опасность. И здесь заложено точно так же об'ективное противоречие нашего «текущего момента». С одной стороны, [illegible]

[illegible] пользование передышки для построения Красной армии;

5) опасность [illegible]: внутреннее влияние германского империализма;

6) завершение стратегической операции: когда построена Красная армия, можно поворачивать руль в другую сторону.

[illegible]

*) [illegible]

цессий роль Внешторга была незначительна. Самые переговоры о концессиях начинаются по большей части за границей, попутно, при ведении торговых операций заграничными органами Внешторга.

Наркомвнешторг живейшим образом заинтересован в максимальном успехе концессионных переговоров, так как развитие концессионного дела должно дать в распоряжение Внешторга постоянный и, будем надеяться, весьма значительный приток экспортных товаров, в виде долевого отчисления от вырабатываемых концессионерами изделий или добываемых материалов.

В ближайшие 5—10 лет у нас нет еще надежды на осуществление собственными силами в широком масштабе наших грандиозных планов электрофикации и планомерного воссоздания крупной индустрии.

С тем большей энергией, для ускорения этого восстановления, мы должны в самом ближайшем будущем смело и решительно насаждать здоровые концессионные предприятия.

Заграничные концессионеры, получив в свое распоряжение некоторые крупные предприятия Урала, Сибири, Донецкой области, Северного Кавказа смогут немедленно бросить в эти районы сотни поездов с хлебом, продовольствием, одеждой, обувью, инструментом, необходимыми запасными частями и недостающим оборудованием, доставит необходимый административный и технический персонал.

Развитие концессионных предприятий, помимо непосредственного под'ема промышленности, будет постоянно давать государству необходимый товарный или валютный фонд для заграничных закупок.

Для наибольшего увеличения закупочного фонда Наркомвнешторг предполагает в ближайшем будущем провести через Совнарком особый декрет относительно премирования сбора сырья и предоставления отдельным главкам участия в деле выручки от продажи экспортных товаров. Каждый промышленный главк, предоставляющий Внешторгу вновь собранный или добытый и пригодный для вывоза за границу товарный фонд, каждый кооператив, каждая областная организация, которые приготовят для сбыта на внешнем рынке более или менее значительные партии товаров, получат по этому декрету право израсходовать на собственные нужды по собственному их выбору известную часть, например, 25%, всей той иностранной валюты, которая будет выручена за границей от продажи доставленных ими Наркомвнешторгу товаров.

Большое значение имеет вопрос о допущении частного аппарата и особенно иностранцев к закупке и вывозу продовольственных продуктов и разного рода сырья. Частные скупщики могут быть допущены к работе лишь под бдительным контролем государства. Главная роль здесь будет принадлежать кооперативам.

Здесь, как и во многих других областях, мы можем подвигаться вперед лишь на основании данных опыта.

Цель, к которой стремится Наркомвнешторг при организации своей работы, есть закупки и продажи, ввоз и вывоз, по строго определенному импортному и экспортному плану.

К сожалению, о каком-нибудь твердом плане в данный момент еще не может быть речи и не только по отсутствию для этого достаточного опыта, но, главным образом, по крайней неустойчивости тех политических и экономических факторов, которые могли бы определить этот план.

В более или менее отдаленном будущем, несомненно, выступит еще новый фактор нашей внешней торговли, о котором пока можно говорить лишь более или менее гадательно. Это фактор заграничного кредита.

Все импортные и экспортные планы внешней торговли, конечно, будут существеннейшим образом затронуты практическим осуществлением такого грандиозного товарного займа для Советской России.

Но я лично совершенно уверен, что в недалеком будущем речь пойдет не только о товарном займе, но и о непосредственном займе валютном, займе деньгами.

Порукою в этом опять-таки не только общая политическая ситуация, но и интересы отдельных капиталистических стран, которые в целях спасения, хотя бы части своих претензий к Советской России вынуждены будут предоставить нам такого рода денежный заем.

Последовательное и твердое осуществление нового курса советской политики и, в частности, умелая работа наших представительств за границей должны ускорить осуществление этих возможностей.

Мы же не забудем одного: **ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах, Советская власть не должна выпускать из своих рук постоянного всестороннего контроля над всею внешней торговлей, ибо «свобода» этой торговли означала бы не только окончательное разорение страны, но и прорыв всего советского фронта, конец диктатуры рабочих и крестьян.**

А. КРАСИН.

Новые формы оплаты труда.

4-й Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов лишь в самых общих чертах наметил дальнейшую линию в политике по оплате труда. Установление новых путей, разработка новых систем оплаты должны были идти на основе учета всех условий экономической жизни и строиться на реальном опыте мест.

Эти задачи крайне осложнились тяжелым продовольственным кризисом. И первый период работы прошел под знаком полной децентрализации при весьма слабом руководстве центра. Попытки дать устойчивую систему оплаты разбивались об отсутствие фондов. Места изыскивали пути разрешения больного вопроса на основе своих ресурсов, своих систем. В результате создалась крайняя пестрота в оплате труда не только в различных местностях Республики, но и внутри каждой губернии в разных производствах. Эта «местная» тарифная политика, естественно, не могла быть согласованной с реальными ресурсами Республики, и не обещала устойчивости. В уклонениях этой местной практики часто сказывалось влияние стихии и отказ от какого бы то ни было регулирования.

Ныне отложились наиболее рациональные системы оплаты, проверенные на опыте. Пополнение государственных фондов, которое ожидается вместе с реализацией урожая, дает возможность заменить ими пеструю практику мест.

На этой основе должно быть восстановлено твердое руководство центра всей тарифной работой Республики.

Переходим к краткой характеристике этих новых форм заработной оплаты труда.

I. КОЛЛЕКТИВНОЕ СНАБЖЕНИЕ.

Эта система уже освещалась в нашей печати; сущность ее состоит в том, что за предприятиями закрепляется определенный денежный и натуральный фонд оплаты, исчисляемый по составу рабочих. Эти фонды выдаются в том проценте, в каком выполнена производственная программа, и не уменьшаются при сокращении штатов. Эта система весьма популярна и, принятая, как опыт, с'ездом профсоюзов, применяется довольно широко местами, в меру реальной возможности обеспечения предприятий фондами продовольствия и денежных знаков. Результаты отдельных опытов, дошедшие до центра, говорят о серьезном улучшении в работе предприятий, переведенных на коллективное снабжение. Основной идеей коллективного снабжения является стремление заинтересовать рабочих в выработке и разгрузить предприятия и учреждения от тяжелого балласта, ненужного для работы, и на этом сокращении числа работающих построить улучшения условий труда для остающихся. Фонд предприятия определяется по несколько произвольному признаку—количеству рабочих на март месяц.

Это содержание делает коллективное снабжение неодинаково приемлемым для всех производств. Весьма рациональное в предприятиях загруженных, в советских учреждениях, являясь там острым стимулом к сокращению штатов и оздоровлению работы, оно в чистом виде не дает улучшения для предприятий со строго нормированными штатами.

Эти черты выяснились уже с первых шагов практического подхода к применению коллективного снабжения. Особенно уточнены они происходившим в первые дни августа совещанием заводов, переведенных на коллективное снабжение.

Для предприятий, которые в марте работали с твердым штатом, без лишних людей, пропадает возможность увеличения оплаты за счет сокращения состава. В этих случаях (а они относятся к значительной части нашей крупной промышленности) необходим корректив в виде коллективной сдельной оплаты, при которой фонд предприятия определяется по количеству выпуска изделий, переведенных на нормированный штат. Эта система уже применена, как в полном виде в отдельных предприятиях, так и частично в отношении лишь денежной оплаты для целых производств (кожевники, печатники).

II. ОТЧИСЛЕНИЯ ИЗ ИЗДЕЛИЙ СОБСТВЕННОГО ПРОИЗВДСТВА.

Благодаря недостаточности натуральных ресурсов государства, а также благодаря невозможности для центра взять на себя всю работу по обмену изделий городского производства на предметы продовольствия, государство стало на путь предоставления рабочим некоторой части предметов их собственного производства, покрывая ими часть их оплаты и возложив товарообмен на кооперацию. Этими мероприятиями государство стремится наиболее быстро и ближе к местам улучшить материальное положение индустриальных рабочих.

Специально созданная Комиссия СТО установила проценты и порядки отчислений для основных производств. В связи с крайним упадком рабочего снабжения Комиссия вынуждена была расширительно толковать декрет об отчислениях и применить его к возможно большему кругу производств. Так, на ряду с отчислением изделий, Комиссия установила отчисление рабочего времени (у печатников), освободив часть программы от государственных заказов для обслуживания кооперации. Отчисления эти понимались, как натуральная премия, и заполняют лишь часть рабочего бюджета.

Места и здесь дали значительные уклонения от норм центра, резко нарушив пропорциональность отчислений различных производств.

На ряду с натурпремией из изделий своего производства практикуется и система полного перевода всей оплаты за счет отчислений со снятием с государственного снабжения. Последняя форма, естественно, должна быть ограничена производством изделий ходких и устойчивых в цене на местном рынке и в то же время незабронированных государством. Система эта должна практиковаться, главным образом, по отношению к предприятиям местного значения.

III. НЕОГРАНИЧЕННАЯ СДЕЛЬНАЯ ОПЛАТА.

Наиболее рациональным видом поощрительных оплат, несомненно, является прямая сдельная без ограничения приработка. Она наиболее понятна рабочему и потому уже способна более других стимулировать повышение производительности. Однако, неподготовленный заранее декрет о неограниченной сдельщине привел к искусственно неограниченному повышению расценок путем снижения норм выработки. Колебания оплаты при этом весьма значительны и, как общее правило, размер оплаты сильно отстает у индустриальных рабочих. Новая система исчисления сдельных стремится прекратить эту пестроту заработка, ломающую все основы целевой оплаты, и ставит условием применения сдельной предварительное *строгое нормирование труда.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Эти новые формы оплаты должны заменить пеструю практику мест и унифицировать тарифную работу. Необходимо прекратить «эпидемию опытов», которая крайне развилась.

Всякая сомнительная идея сейчас имеет все шансы проходить под видом опыта. С этим пора покончить.

Само собою разумеется, что все эти формы оплаты могут успешно привиться лишь в той мере, в какой они будут реально обеспечены твердыми фондами. Ограниченность ресурсов Республики заставляет распространять эти формы оплаты по постепенно расширяющемуся кругу производств. Фонды денежной и натуральной оплаты должны в первую очередь расходоваться на предприятия общенациональной важности, которые должны быть сохранены в руках государства при всяких условиях.

Л. ГИНЗБУРГ.

Концентрация промышленности и комбинирование предприятий.

Один из основных вопросов восстановления нашей промышленности заключается в устранении того колоссального несоответствия между количеством действующих заводов и фабрик и количеством вырабатываемых на них изделий и фабрикатов, которое бросается в глаза всякому, кто хоть сколько-нибудь знаком с положением нашей промышленности. Несколько крупнейших рудников Донбасса давали в свое время такое же количество угля, какое дает теперь весь бассейн. Все производство прокатного металла в республике, выразившееся в 1920 году в количестве 9 м. п., в свое время покрывалось производством хотя бы одного Петровского завода, не являвшегося притом самым крупным. Десяток, другой крупнейших текстильных фабрик безусловно покрывали все производство суровья, в 1920 году выразившееся всего в 730 т. п., вместо 17 миллионов п. довоенной производительности. Понятно, какое огромное количество топлива и рабочей силы расходуется зря, без полезного эффекта.

Выход один—концентрация.

Выход не новый: с самого начала нашей хозяйственной работы мы действовали с помощью этого метода, беспощадно закрывая формально или фактически мелкие предприятия, оставляя только крупные, к которым, наоборот, относились с чрезвычайной бережностью. И тем не менее желательных результатов не получили. В чем же тут дело?

Дело в механическом понимании этой концентрации. Долой всю мелочь, пусть остается только крупное,—таков был основной лозунг, который мы проводили с чрезвычайной жесткостью. А при таком понимании концентрация оказывалась и чересчур сильной, и чересчур слабой в одно и то же время.

Чересчур сильной потому, что далеко не все отрасли хозяйства в России были организованы в виде крупной промышленности. Возьмем производство обыкновенного кирпича. При его элементарности всякий, сколотивший себе 10—20 тысяч рублей, мог уже рискнуть их вложить в кирпичный завод, который, при огромном росте в предвоенные годы строительства, обычно этот расход и оправдывал. Все производство было почти кустарным и потому мы не обратили на него почти никакого внимания, и находимся сейчас лицом к лицу с огромным недостатком этого несложного фабриката, изготовлявшегося на местном сыром материале и местном топливе и требовавшем элементарнейшего оборудования. Это только наиболее яркий пример почти полной ликвидации очень крупной (несмотря на ее кустарный характер) отрасли промышленности. А сколько было ликвидировано менее заметных, но не менее важных групп производства: стоит только вспомнить мелкие ремонтные заводы, на которые стали обращать внимание только в последнее время и без которых и же крупная промышленность оказывалась в чрезвычайно тяжелом положении.

Иногда это выражалось в иных формах. Мне вспоминается прошедшая на моих глазах история концентрации мукомольной промышленности на Украине. В свое время здесь развились чрезвычайно мощные предприятия, рассчитанные на перемол зерна и для самого юга, и для экспорта за границу, и для севера, и для Закавказья. Следуя принципу концентрации, мы, при несравненно меньшем количестве зерна для перемола, сосредоточили его на нескольких крупнейших мельницах. Что же получилось? Оказалось, во-первых, что мы не были в состоянии обеспечить их постоянным и притом довольно крупным запасом зерна, необходимым для их правильной работы. Каждый вагон был у нас на счету и подлежал срочной отправке. А, во-вторых, своз зерна только в несколько пунктов и развоз его оттуда по всем потребителям настолько усложнил операцию транспортирования, нагрузки и разгрузки, что потребитель в конце-концов получал неперемолотое зерно и не был в состоянии даже перемолоть его на близ находящихся мелких мельницах или не работавших, или не получивших топлива. Здесь как раз интересы концентрированной угольной и металлургической промышленности требовали известного распыления мукомольной, с чем принципиальные строители концентрации никак согласиться не могли. И этот пример также не является единственным.

С другой стороны, концентрация промышленности была проведена недостаточно. С легкостью закрывая мелкие заводы, мы всегда останавливались в нерешительности перед закрытием крупного. Конечно, этот вопрос не может быть решен слишком прямолинейно и во многих случаях конкретные обстоятельства заставляли пустить неполным ходом несколько заводов вместо одного полностью. Но это следует делать только в крайних случаях, чего на самом деле не было.

Задачей настоящего дня является выделение возможно более узкого, но жизненного комплекса предприятий и крупных, и мелких, при чем часть первых нам придется закрыть, расширив по всем данным количество мелких. Необходимо отметить, что такая работа не может быть произведена академическим путем, на основании только цифр и расчетов (у нас чересчур этим увлекаются). Она требует конкретного, живого знания предприятий, и только при этих условиях даст благоприятные результаты.

Если такое знание имеется у нас относительно крупных предприятий и круг их легко может быть определен из центра в порядке общегосударственного плана, то в отношении мелких у нас нет не только такого конкретного знания их, но сплошь и рядом даже и цифрового материала. Да и самое составление плана их работы при большом их количестве и незначительности каждой единицы натолкнулись бы на такие затруднения, что крупнейшие ошибки были бы неизбежны. Очевидно, дело здесь должно быть предоставлено в значительной степени стихийному течению, как говорили раньше,—местной инициативе, при чем, конечно, надо позаботиться о том, чтобы это стихийное движение пошло в желательном нам направлении и без составления цифрового плана.

Последнее время сознание необходимости такого решения привело—помимо наименьшего сопротивления—к стремлению самым широким образом сдавать такие предприятия в аренду. Очевидно, это делается в расчетах на то, что самая игра спроса и предложения заставит частного предпринимателя пойти как раз туда, куда это нужно. До некоторой степени это верно, но только до некоторой.

Не надо забывать, что для частного предпринимателя наиболее годным потребителем является сейчас не национализированная промышленность, занимающаяся «убыточным» для данного момента (обстоятельство, которое очень основательно забывает т. Киселев в своей проповеди безубыточного ведения предприятий) делом восстановления нашего разрушенного хозяйства, в первую голову транспорта, а крестьянин, который может дать ему и продовольствие, и сырье. Сведения, идущие с мест, говорят именно о том, что частное предпринимательство ухватилось сейчас за мелкое кожевенное, мыловаренное и т. п. производства ходкого среди крестьян товара, для которого они же доставляют и сырье. А это значит, что стихийное развитие мелкой промышленности на основе частного предпринимательства пойдет по линии приспособления не к нашему, а к крестьянскому спросу и даст далеко не то, что нам нужно. Это уже не говоря о неудобстве зависимости крупной промышленности от вольного рынка с его огромными колебаниями.

Другой выход — комбинирование, привязывание этой мелочи к крупной промышленности. Этим путем мы сумеем: 1) избавиться от необходимости составлять на глазок планы распределения в общегосударственном масштабе второстепенных материалов, относительно которых у нас нет и еще очень долго не будет ни данных о ресурсах, ни данных о потребности, сколько-нибудь удовлетворительных; 2) приспособить развитие мелкой промышленности к потребностям крупной и 3) сократить область допущения частного капитала.

Вместе с тем на предприятие можно при этих условиях возложить и большую ответственность за выполнение возложенных на него государством задач, поскольку в отношении целого ряда необходимых ему материалов и работ оно будет зависеть исключительно от собственной энергии и хозяйственной постановки дела. Здесь мы уже соприкасаемся с вопросом о комбинировании крупных отраслей промышленности между собой, поскольку они обладают соответствующими данными, в первую очередь — территориальной близостью. Но необходимость этого в настоящее время настолько ясна для всех, что говорить более подробно об этом нечего.

Из предыдущего ясно, что так называемый единый план народного хозяйства будет складываться из двух существенно различных частей: 1) из подробно разработанных производственных програм для крупной промышленности и планомерного распределения главнейшей части их продуктов между потребителями; 2) из ряда мероприятий, регулирующих деятельность остальной промышленности, как находящейся в частных руках, так и в руках советских органов. Ни в каком случае все движение продуктов по общегосударственным планам проходить не будет, значительная часть их будет иметь свой собственный, местный оборот, путем ли движения внутри комбинированного предприятия, путем ли продажи и покупки между частными лицами и государственными органами. И судьба нашего народного хозяйства главным образом и будет зависеть от того, насколько энергично пойдет процесс прикрепления (непосредственно в виде общего администрирования или косвенным путем—завязыванием постоянных торговых сношений) мелкой промышленности (к которой относится и земледелие в подавляющей своей массе) к крупной. А это значит, что свое внимание мы должны фиксировать не на той или иной отрасли производства—без связи с другими она ничто,—а на том или ином районе, где условия для создания того комплекса предприятий наиболее благоприятны. Таким районом, несомненно, является юг. И только в том случае, если мы сумеем поставить его возрождение как ударную задачу, если мы сумеем снабдить его в изобилии (без этого никакая промышленность правильно итти не может), ограничив потребности остальных районов крайним минимумом, мы сумеем добиться того, что равномерная кривая падения производительности нашего народного хозяйства изменит свой характер, и на фоне общего упадка начнет выделяться некоторое здоровое и развивающееся ядро, которое сделается исходным пунктом возрождения нашей промышленности. Районная концентрация промышленности—единственно правильный путь ее общего возрождения.

В. СМИРНОВ.

Самодеятельность и инициатива.

Уже из предыдущих статей видно, что новая хозяйственная политика приводит нас к такому многообразию и во времени и в пространстве во всех областях нашей деятельности, что без инициативы и самодеятельности местных органов и работников провести ее безусловно не удастся.

Область **производства:** нужно максимально использовать техническое оборудование, отремонтировать его, найти недостающие части к машинам и орудиям, дать простор изобретательству; необходимо поставить производство на научную ногу, чтобы не пропадало зря топливо и сырье, чтобы были использованы обрезки, лом, стружки, отбросы, чтобы каждый техник и рабочий, организатор и администратор были поставлены к такому делу, где они могут дать максимум от своих способностей. Производство на фабриках, заводах, непосредственно, управляемых нами, должно вестись так, чтобы каждому были видны преимущества крупной советской промышленности перед кустарной и мелкой, чтобы никто не мог сказать, что у капиталиста-арендатора дело идет лучше, чем у советского государства.

Область **снабжения:** проект декрета о расширении прав крупных государственных предприятий (см. № 152 «Эк. Жизни») представляет последним право «заказов и покупки на рынке всех продуктов кустарного и мелкого производства» (парагр. 6, Разд. 2-й), «право производить как хозяйственным, так и подрядным способом разработки и заготовки подсобных материалов для предприятия»... (парагр. 7, Разд. 2), «право отчислять долю производства (устанавливаемую комиссией СТО) для расплаты натурой с грузчиками, возчиками и кустарями и за хозяйственные и мелкие подсобные работы» (пар. 5, Разд. 2). В этой плоскости от инициативы и хозяйственной самодеятельности зависит буквально все. Нужно выгодно использовать местные ресурсы в виде рынка, природных богатств, кустарей и разных лиц, могущих обслуживать нашу крупную промышленность. Атмосфера той области, в которую вступает наша промышленность, чрезвычайно непостоянна, изменчива, и плох будет тот орган или хозяйственник, который не научится использовать перемены на рынке, у кустарей, мелких промышленников и арендаторов.

Область **живого аппарата:** надо поднять трудовую дисциплину и интенсивность труда, а для этого нужно умело использовать декреты о коллективном снабжении и отчисленных от продукции, превративши их в мощный фактор заинтересовывания каждого отдельного работника и коллектива последних. Способы такого использования не могут быть указаны центром, так как у него нет еще даже минимума опыта во всероссийском масштабе.

Кто же может проявить требуемые самодеятельность и инициативу?

Все без исключения. **Рабочие предприятия** могут воссоздавать нашу крупную промышленность, участвуя на общих собраниях, через делегатов и непосредственно, во всех областях производственной деятельности, следя за товарищеским отношением к делу как самого себя, так и своих товарищей и соседей, наблюдая, хотя бы попутно, за сохранностью не только своего, но и соседнего станка, зданий, материалов, сырья, топлива, сообщая заводоуправлению о тех или иных возможностях закупить выгодно нужные изделия или сырье, заключить договор с извозчиком или пильщиком.

Завком предприятия совместно с заводоуправлением и губпрофсоветом могут развернуть продуктивную деятельность работников путем использования предоставленных им прав по изменению числа тарифных разрядов и числа пайков внутри каждого разряда.

Кто больше и лучше сработает, тот больше и получит. Какие методы можно сейчас рекомендовать в этой именно области? Никаких, так как ни один еще не проверен на практике. Здесь все должно быть построено на инициативности и самодеятельности мест.

Заводоуправление предприятий 1 и 2 групп во многом зависит от самого себя. Что делать с ломом, обрезками, которыми заводоуправление может распоряжаться по собственному усмотрению? Как использовать часть фонда заработной платы, отпускаемой на поощрение особо важных работ и отдельных работников? Как комбинировать сдельные работы, как оценить работу каждого рабочего, какую форму премирования применять в каждом отдельном случае?

Как выполнить полностью программу, отпуская рабочих на полевые работы?

Нельзя ли с'экономить топливо и увеличить недельный отдых рабочим, не сокращая недельного задания (5 дней работы вместо шести)?

Главным управлениям и губсовнархозам предоставляются большие возможности проявить инициативу в плоскостях установления предприятий, предназначающихся к действию, их комбинирования, распределения между ними материальных ресурсов, распоряжения продуктами своего производства, поскольку установленная доля идет не в государственный фонд, и т. д.

Многое из сказанного может показаться азбучным: во многом и раньше требовалось проявление инициативы и самодеятельности.

Однако, не следует забывать, что раньше эти качества хозяйственные органы могли проявлять **лишь в крайне узких пределах.**

Спешное и в тяжелой военной обстановке строительство централизованного аппарата при слабости пролетарских сил на окраинах и вообще в провинции неминуемо должно было поставить «места» в положение опекаемых «центром». Доминирование военного производства над гражданским тоже выдвигало особенно резко момент сугубого централизма.

Отсюда — мелочная регламентация со стороны главков и центров всех областей работы периферийных органов.

За 3½ года «места» окрепли, набрались опыта и в новую полосу советской жизни входят уже не с голыми руками, а с оружием в руках, приобретенным в боях на хозяйственных фронтах.

Это оружие должны держать органы и работники инициативные, а не формалисты-бюрократы, самодеятельные, а не те, что ждут, по старой от крепостнических времен манере, барина, который «рассудит и укажет». Буржуазия тоже инициативна и самодеятельна, но пролетариат эти качества умножает, борясь за крупную промышленность, как базу коммунизма, коллективными инициативой и самодеятельностью.

Вл. Сарабьянов.

Заметки по электрификации

(Из записной книжки).

Наша регистрация сооружений мелких и расширения существующих электрических станций отличается крайней неполнотой. «А» между тем, на первых порах, пока широкое строительство не нащупало почвы в окрепшей экономике страны, мы неизбежно должны пойти по линии наименьшего сопротивления, пребывать «в стадии А» по терминологии Гоэлро, использовать те силы, которые достаточны для среднего строительства и ремонта.

Тов. Вашков констатирует: Новые станции строятся и старые расширяются в пяти губернских городах, 61 уездном городе и 65 селах. Электрифицируются 48 заводов, кроме того, электрические сети расширяются в 3 губернских городах, 2 уездах и 24 селах. Эти строки написаны в июле текущего года, когда выяснились и подвелись итоги тяжкого неурожая на юго-востоке. Думаю, что беспристрастный наблюдатель со временем учтет эту несомненно преуменьшенную статистику электростроительства, как яркий образчик жизненности идеи электрификации.

В эту зиму Москва доведет цифру своего электроснабжения **до нормы 1913 года. Уменьшение** [illegible]ского потребления электрической энергии за сокращением потребления фабрик и заводов — возмещается увеличением потребления светового. Наши окраины, наши рабочие жилища возместят свой дефицит, свою прежнюю световую голодовку. Добрый им путь! Пусть поярче будет освещена их жизненная дорога в годы предстоящих еще немалых испытаний! Я вспоминаю при этом последний наказ берлинских концессионеров, когда они еще не предчувствовали своего исхода из России: блюдите световую нагрузку, она более дивидентна. Они обвиняли русских техников в излишней погоне за нагрузкой промышленной. Однако, техники были правы. Нынешнее процентное падение технической нагрузки с 50 проц. до 30 проц. — симптом печальный известного факта—кривая промышленного под'ема пока дрейфит. Тем не менее факт остается фактом—электрические станции московского куста—реализованная программа «А» для важнейшего центра страны—дают себя знать. Допустим, что мы расточительны с потреблением электрической энергии. Против такого зла—свои ме-

нию не будет означать возврата к прежнему, т.-е. к продразверстке и т. д. Ибо эти методы, приспособленные к регулированию потребления на основе *падения* производительных сил, *падения* экономической мощи города относительно деревни, будут совершенно неподходящими к положению вещей, коего основа заключается *в развитии* производительных сил, особенно же в *растущей мощи крупной промышленности.* «Поворот руля» будет состоять в постепенной экономической ликвидации крупного частного хозяйства и в экономическом подчинении мелкого производителя руководству крупной промышленности: мелкий производитель будет втянут в обобществленное хозяйство не мерами внеэкономического принуждения, а, главным образом, теми хозяйственными выгодами, которые будут ему доставляться трактором, электрической лампочкой, сельскохозяйственными машинами и т. д.: он будет опутан (с пользой для себя) *электрическими проводами,* несущими с собой оплодотворяющую хозяйство, животворящую энергию.

IV. Проблема труда в крупной индустрии.

Выше мы видели, что главной нашей задачей является организация крупной социализированной промышленности. Но эта задача имеет свою внутреннюю сторону—вопрос о труде и его интенсивности. В период «военного коммунизма» рабочий класс в значительной степени играл роль резервуара, организующих сил, которые «брались» на фронты во все возраставшем количестве. Оставшиеся поддерживались более или менее равномерно, независимо от того, выполняли они или не выполняли на деле свою производительную функцию. В результате, при общем понижении энтузиазма и работоспособности (от голода, истощения и т. д.), при росте мелкобуржуазных настроений и, следовательно, личных мотивов хозяйствования, получилось неизбежное *падение интенсивности труда.*

Mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) здесь отчасти получилась такая же картина, как в сельском хозяйстве: отсутствие личной и групповой *непосредственной* материальной заинтересованности в производстве привело к падению производства; при наличии излишних поддерживаемых государством с грехом пополам рабочих рук, производственный эффект падал.

Отсюда с неизбежностью вытекало и средство лечения этого недуга: *введение момента личной и групповой заинтересованности рабочих в выработке.* Другими словами: необходимо было поставить снабжение рабочих в зависимость от количества вырабатываемого продукта. Это и дается тем или иным применением так называемого принципа «коллективного снабжения».

Принцип коллективного снабжения играет при этом двоякую роль: с одной стороны, он, давая стимул непосредственной заинтересованности, толкает рабочих к повышению интенсивности труда и к повышению, таким образом, *производительного эффекта;* с другой стороны, он становится рычагом *качественного улучшения состава пролетариата.* При его применении будет происходить постоянный отбор настоящих кадровых рабочих, которые и составят основной стержень крупной промышленности. И, наоборот, нечистые, непролетарские элементы будут отсеиваться и распыляться, уходя в мелкобуржуазную среду. Реорганизованная и развивающаяся крупная промышленность будет иметь и соответствующий кадровый пролетариат.

V. «Государственный капитализм» при системе пролетарской диктатуры.

Нам остается сказать, в целях полной ясности, несколько слов о «государственном капитализме» при системе пролетарской диктатуры. Мы лично считаем этот термин неправильным. Но так как дело не в терминах, а в «сути вещей», не в слове, а в понятии (а здесь в рядах партии нет никаких разногласий), то эту «суть вещей» необходимо подчеркнуть.

Государственный капитализм в его, так сказать, западно-европейском и американском значении, есть доведенное до крайнего предела *всемогущество буржуазии,* когда производство сосредоточено в руках *буржуазного* государства. В таком случае собственником и верховным распорядителем всех средств производства является *буржуазия* в лице *ее* государства.

Когда *пролетарское* государство сдает в аренду концессионеру, предприятие (т.-е. при таком небывалом еще в истории случае, когда капиталист является арендатором у рабочего), *собственником* предприятия все время остается *рабочий класс.*

Из этого проистекает совершенно различный характер развития.

При государственном капитализме в настоящем смысле этого слова вся прибавочная ценность поступает в распоряжение буржуазного государства, т. - е. буржуазии. При *нашем* «государственном капитализме» (концессия, аренда и т. д.) прибавочная ценность немедленно расщепляется на две части: одна поступает, как прибыль, в карман капиталисту; другая принимает форму долевого отчисления или арендной платы и поступает нашему государству, т.-е. переходит в руки *пролетариата.*

Чем больше мы будем расти сами, тем более выгодные договоры мы будем заключать, тем больше будет *пролетарская* доля, которая, все увеличиваясь, в конце концов поглотит долю капиталиста. Это и будет конечной победой коммунизма. Тогда окажется, что иностранный капитал, помимо его воли и желания и несмотря на его волю и желания, сыграл в нашем общем хозяйстве роль «спеца», который помог вытащить из трясины колымагу советского хозяйства.

Государственный капитализм европейско-американской марки пролетариат должен сломать путем революции. Наш «государственный капитализм» изживется совершенно мирным путем, если мы только правильно выполним свой стратегический план.

VI. Основные возражения против нового курса.

Основные возражения, которые давались иногда против нового курса экономической политики, основаны на непонимании всего «плана стратегической операции» и, как две капли воды, напоминают те возражения, которые некоторые товарищи («от них же первый есмь аз») делали против совершенно правильной тактики брестского мира, или которые делались против брестского мира открытыми противниками пролетарской диктатуры.

Главным «возражением» являлся вопрос о «*пределах уступок*». Где кончается предел уступок? Если мы сдаем Минск, сдадим ли Смоленск? Или Москву? Ясно, что вопрос был нелеп. Пределы уступок не могли быть *заранее* определены: они зависели от конкретных условий. Лишь бы была возможность *строить свои силы*—вот, как стоял вопрос.

То же и теперь. «Пределы» концессий, вплоть до фабрики и завода, *нельзя* определить. Ибо здесь можно сказать лишь *в общем:* база крупной промышленности и транспорта должна остаться непосредственно в наших руках, что не исключает передачи того или другого предприятия или территории концессионеру.

Вторым возражением было: мы *перерождаемся.* А враги говорили: иди на уступки, вы превращаетесь в партию германского империализма. Ясно, что это был вздор.

Но теперь рассуждают иногда так же: *если* вы делаете уступки мелкой буржуазии, *тем самым* вы превращаетесь в *партию* мелкой буржуазии. Если это так, то, напр., английское правительство, сделавшее уступки углекопам, является правительством рабочих или, по крайней мере, «общенациональным». Рассуждение не марксистское.

Конечно, мы находимся в опасном положении. Конечно, *если мы не построим крупной промышленности,* то тогда мы или переродимся, или будем свергнуты. Но мы *построим,* на страх врагам, нашу крупную индустрию. Пусть буржуазные «порядочные люди» смеются и предвещают нам близкий конец. Мы надеемся еще спеть над их могилой «вечную память».

Н. БУХАРИН.

Новый курс и мероприятия Советского правительства

Прошло свыше 4-х месяцев с момента принятия ВЦИК-ом первого постановления о замене разверстки, как способа осуществления государственной монополии, продналогом. Постановление это и последовавший в его развитие декрета Совета Народных Комиссаров о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена, принятый 21-го апреля с. г., по существу и определяет исходный пункт в развитие нового курса нашей экономической политике.

Когда закон о продналоге принимался центральными правительственными органами, то для всех было ясно, что коренное изменение, внесенное в нашу экономическую политику отказом государства от разверстки, потребует издания ряда дополнительных законов. Если мы присмотримся к законодательству за период последних месяцев, то мы увидим ряд крупнейших мероприятий, имеющих прямую связь с законом о продналоге. Декреты о потребительской и промысловой кооперации, о кустарной и мелкой промышленности, о сдаче предприятий в аренду, о расширении прав крупных предприятий и т. п.,—все эти перечисленные важнейшие постановления есть прямой, логический вывод из основного — перехода к продналогу.

В чем суть новой экономической политики? Каковы изменения, внесенные в хозяйственную жизнь страны переходом от системы монополии и разверстки к продналогу? Основа нового курса в том, что в миллионах крестьянских хозяйств, за выполнением продналога, остаются свободные излишки хлеба и других продуктов сельскохозяйственного труда, которыми, по смыслу налогового законодательства, крестьяне распоряжаются свободно, выбрасывая на частный рынок, как продукт товарообмена. В этом основное различие от прежнего; если раньше частный рынок был проявлением нашего организационного неустройства, о котором государство, в идее, по законодательству, должно было вести борьбу, то теперь это есть законное явление.

Какие же задачи выдвигаются перед государственной властью пролетариата в связи с установлением нового курса и в какую сторону надо направлять свои усилия на ближайший период? Первое и основное, что необходимо выполнить с полным успехом,—это собрать, свезти и сохранить продукты сельского хозяйства, причитающиеся государству по продовольственному налогу. Второе, что также не менее важно,—создать такие регулирующие условия рынка, при которых бы максимум остающихся у крестьян продовольственных и сырьевых продуктов поступил, по товарообмену, в государственный фонд и послужил базой для развития крупной промышленности, остающейся основой нашего хозяйства. Необходимо оживить обмен между городом и деревней, что единственно может создать условия для развития и улучшения сельского промысла. Именно эту задачу на ближайшее время надо реально преследовать. Во что бы то ни стало оживить промышленность, сельское хозяйство, оживить обмен, таким образом, чтобы материальные ресурсы (которых у нас в этом году особенно немного) не расхищались скупщиками, спекулянтами, а были бы государством правильно собраны и разумно обращены на добычу угля, нефти, восстановление транспорта и крупной национализированной промышленности. Вот наши реальные задачи на ближайшие дни и в эту сторону направлялись все усилия и все мероприятия государственной власти и в эту же сторону они будут направляться в ближайшем будущем.

В начале статьи мы указывали на неизбежность за продналогом издания дополнительных законов, отвечающих новому курсу. Продналог, как сказано было выше, возрождает частный рынок со всеми его капиталистическими особенностями. Естественно, конечно, что вслед за изданием закона о продналоге необходимо было издать ряд дополнительных законов о потребительской и промысловой кооперации. Положение кооперации до сих пор определялось декретом 20 марта 1919 года, по которому ее роль сводилась к роли технического распределительного органа Наркомпрода. С отменой разверстки, с возрождением частного рынка роль кооперации коренным образом изменяется: она становится одной из наиважнейших сил, общественно организованной силой в борьбе со скупщиком, спекулянтом и другими отрицательными явлениями на частнокапиталистическом внутреннем рынке. На кооперацию ложится вся тяжесть заготовки продовольствия и других продуктов по товарообмену; кооперация должна не только заготовить для государства продукты, но и заготовить их так, чтобы созданный, в процессе заготовки, оборот между городом и деревней был полезен и послужил стимулом к правильному развитию и укреплению крестьянского хозяйства. Задача эта в наших условиях до чрезвычайности трудна. Декрет о потребительской кооперации от 7-го апреля с. г. отменяет все ограничения, созданные для кооперации декретом 20-го марта. Кооперации разрешается свободная заготовка продовольствия, всех видов промышленного сырья, свободный сбыт незапрещенных товаров, организация собственных предприятий для добычи и обработки продуктов и т. д. Перед кооперацией, с принятием этого закона, открывается широкий простор для самодеятельности хозяйственно-инициативной работы. Выступая на рынке в роли почти единственного борца с расхищением спекулянтами немногочисленных материальных ресурсов, кооперация стремится разрешить основной вопрос—сосредоточить в руках государства максимум продовольственных и сырьевых ресурсов, что даст возможность вести дальнейшее и постепенное развитие хозяйства.

На-ряду с изменением законодательства о потребительской кооперации, коренным образом меняется прежнее законодательство в отношении промысловой кооперации, кустарной и мелкой промышленности, удельный вес которой в общем хозяйстве России огромный. Лишенная свободного рынка сбыта, стесненная существовавшими прежде законами о монополии, промысловая кооперация и кустарные промыслы все больше и больше разрушались. Государство, не справлявшееся с организацией крупной промышленности, естественно, не могло оказывать надлежащей поддержки ее развитию. С возрождением частного капиталистического рынка и свободного оборота промысловая кооперация и мелкая промышленность могут оказать огромное влияние в оживлении внутреннего товарообмена между отдельными хозяйствами внутри, что, в свою очередь, создает условия оживления сельского хозяйства. Существовавшее раньше законодательство стесняло развитие мелкого промысла; вот почему декретом о промысловой кооперации кустарной и мелкой промышленности отменяются все прежние ограничения. Кооперации предоставляется свобода организации по принципу территориальному или производственному, разрешается свободная заготовка сырья, свободный сбыт продуктов своего труда и отменяется всякая конфискация промышленных заведений (последнее допустимо лишь по постановлению суда или Совета Народных Комиссаров).

цессий роль Внешторга была незначительна. Самые переговоры о концессиях начинаются по большей части за границей, попутно, при ведении торговых операций заграничными органами Внешторга.

Наркомвнешторг живейшим образом заинтересован в максимальном успехе концессионных переговоров, так как развитие концессионного дела должно дать в распоряжение Внешторга постоянный и, будем надеяться, весьма значительный приток экспортных товаров в виде долевого отчисления от вырабатываемых концессионерами изделий или добываемых материалов.

В ближайшие 5—10 лет у нас нет еще надежды на осуществление собственными силами в широком масштабе наших грандиозных планов электрофикации и планомерного воссоздания крупной индустрии.

С тем большей энергией, для ускорения этого восстановления, мы должны в самом ближайшем будущем смело и решительно насаждать здоровые концессионные предприятия.

Заграничные концессионеры, получив в свое распоряжение некоторые крупные предприятия Урала, Сибири, Донецкой области, Северного Кавказа смогут немедленно бросить в эти районы сотни поездов с хлебом, продовольствием, одеждой, обувью, инструментом, необходимыми запасными частями и недостающим оборудованием, доставит необходимый административный и технический персонал.

Развитие концессионных предприятий, помимо непосредственного под'ема промышленности, будет постоянно давать государству необходимый товарный или валютный фонд для заграничных закупок.

Для наибольшего увеличения закупочного фонда Наркомвнешторг предполагает в ближайшем будущем провести через Совнарком особый декрет относительно премирования сбора сырья и предоставления отдельным главкам участия в деле выручки от продажи экспортных товаров. Каждый промышленный главк, предоставляющий Внешторгу вновь собранный или добытый и пригодный для вывоза за границу товарный фонд, каждый кооператив, каждая областная организация, которые приготовят для сбыта на внешнем рынке более или менее значительные партии товаров, получат по этому декрету право израсходовать на собственные нужды по собственному их выбору известную часть, например, 20%, всей той иностранной валюты, которая будет выручена за границей от продажи доставленных ими Наркомвнешторгу товаров.

Большое значение имеет вопрос о допущения частного аппарата и особенно иностранцев к закупке и вывозу продовольственных продуктов и разного рода сырья. Частные скупщики могут быть допущены к работе лишь под бдительным контролем государства. Главная роль здесь будет принадлежать кооперативам.

Здесь, как и во многих других областях, мы можем подвигаться вперед лишь на основании данных опыта.

Цель, к которой стремится Наркомвнешторг при организации своей работы, есть закупки и продажи, ввоз и вывоз, по строго определенному импортному и экспортному плану.

К сожалению, о каком-нибудь твердом плане в данный момент еще не может быть речи и не только по отсутствию для этого достаточного опыта, но, главным образом, по крайней неустойчивости тех политических и экономических факторов, которые могли бы определить этот план.

В более или менее отдаленном будущем, несомненно, выступит еще новый фактор нашей внешней торговли, о котором пока можно говорить лишь более или менее гадательно. Это фактор заграничного кредита.

Все импортные и экспортные планы внешней торговли, конечно, будут существеннейшим образом затронуты практическим осуществлением такого грандиозного товарного займа для Советской России.

Но я лично совершенно уверен, что в недалеком будущем речь пойдет не только о товарном займе, но и о непосредственном займе валютном, займе деньгами.

Порукою в этом опять-таки не только общая политическая ситуация, но и интересы отдельных капиталистических стран, которые в целях спасения, хотя бы части своих претензий к Советской России вынуждены будут предоставить нам такого рода денежный заем.

Последовательное и твердое осуществление нового курса советской политики и, в частности, умелая работа наших представительств за границей должны ускорить осуществление этих возможностей.

Мы же не забудем одного: **ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах, Советская власть не должна выпускать из своих рук постоянного всестороннего контроля над всею внешней торговлей, ибо «свобода» этой торговли означала бы не только окончательное разорение страны, но и прорыв всего советского фронта, конец диктатуры рабочих и крестьян.**

А. КРАСИН.

Новые формы оплаты труда.

4-й Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов лишь в самых общих чертах наметил дальнейшую линию в политике по оплате труда. Установление новых путей, разработка новых систем оплаты должны были итти на основе учета всех условий экономической жизни и строиться на реальном опыте мест.

Эти задачи крайне осложнились тяжелым продовольственным кризисом. И первый период работы прошел под знаком полной децентрализации при весьма слабом руководстве центра. Попытки дать устойчивую систему оплаты разбивались об отсутствие фондов. Места изыскивали пути разрешения больного вопроса на основе своих ресурсов, своих систем. В результате создалась крайняя пестрота в оплате труда не только в различных местностях Республики, но и внутри каждой губернии в разных производствах. Эта «местная» тарифная политика, естественно, не могла быть согласованной с реальными ресурсами Республики, и не обещала устойчивости. В уклонениях этой местной практики часто сказывалось давление стихии и отказ от какого бы то ни было регулирования.

Ныне отложились наиболее рациональные системы оплаты, проверенные на опыте. Пополнение государственных фондов, которое ожидается вместе с реализацией урожая, даст возможность заменить ими пеструю практику мест.

На этой основе должно быть восстановлено твердое руководство центра всей тарифной работой Республики.

Переходим к краткой характеристике этих новых форм заработной оплаты труда.

I. КОЛЛЕКТИВНОЕ СНАБЖЕНИЕ.

Эта система уже освещалась в нашей печати; сущность ее состоит в том, что за предприятиями закрепляется определенный денежный и натуральный фонд оплаты, исчисляемый по составу рабочих. Эти фонды выдаются в том проценте, в каком выполнена производственная программа, и не уменьшаются при сокращении штатов. Эта система весьма популярна и, принятая, как опыт, с'ездом профсоюзов, применяется довольно широко местами, в меру реальной возможности обеспечения предприятий фондами продовольствия и денежных знаков. Результаты отдельных опытов, дошедшие до центра, говорят о серьезном улучшении в работе предприятий, переведенных на коллективное снабжение. Основной идеей коллективного снабжения является стремление заинтересовать рабочих в выработке и разгрузить предприятия и учреждения от тяжелого балласта, ненужного для работы, и на этом сокращении числа работающих построить улучшения условий труда для остающихся. Фонд предприятия определяется по несколько произвольному признаку—количеству рабочих на март месяц.

Это содержание делает коллективное снабжение неодинаково приемлемым для всех производств. Весьма рациональное в предприятиях загруженных, в советских учреждениях, являясь там острым стимулом к сокращению штатов и оздоровлению работы, оно в чистом виде не дает улучшения для предприятий со строго нормированными штатами.

Эти черты выяснились уже с первых шагов практического подхода к применению коллективного снабжения. Особенно уточнены они происходившим в первые дни августа совещанием заводов, переведенных на коллективное снабжение.

Для предприятий, которые в марте работали с твердым штатом, без лишних людей, пропадает возможность увеличения оплаты за счет сокращения состава. В этих случаях (а они относятся к значительной части нашей крупной промышленности) необходим корректив в виде коллективной сдельной оплаты, при которой фонд предприятия определяется по количеству выпуска изделий, переведенных на нормированный штат. Эта система уже применена, как в полном виде в отдельных предприятиях, так и частично в отношении лишь денежной оплаты для целых производств (кожевники, печатники).

II. ОТЧИСЛЕНИЯ ИЗ ИЗДЕЛИЙ СОБСТВЕННОГО ПРОИЗВДСТВА.

Благодаря недостаточности натуральных ресурсов государства, а также благодаря невозможности для центра взять на себя всю работу по обмену изделий городского производства на предметы продовольствия, государство стало на путь предоставления рабочим некоторой части предметов их собственного производства, покрывая ими часть их оплаты и возложив товарообмен на кооперацию. Этими мероприятиями государство стремится наиболее быстро и ближе к местам улучшить материальное положение индустриальных рабочих.

Специально созданная Комиссия СТО установила проценты и порядки отчислений для основных производств. В связи с крайним упадком рабочего снабжения Комиссия вынуждена была расширительно толковать декрет об отчислениях и применить его к возможно большему кругу производств. Так, на ряду с отчислением изделий, Комиссия установила отчисление рабочего времени (у печатников), освободив часть программы от государственных заказов для обслуживания кооперации. Отчисления эти понимались, как натуральная премия, и заполняют лишь часть рабочего бюджета.

Места и здесь дали значительные уклонения от норм центра, резко нарушив пропорциональность отчислений различных производств.

На ряду с натурпремией из изделий своего производства практикуется и система полного перевода всей оплаты за счет отчислений со снятием с государственного снабжения. Последняя форма, естественно, должна быть ограничена производством изделий ходких и устойчивых в цене на местном рынке и в то же время незабронированных государством. Система эта должна практиковаться, главным образом, по отношению к предприятиям местного значения.

III. НЕОГРАНИЧЕННАЯ СДЕЛЬНАЯ ОПЛАТА.

Наиболее рациональным видом поощрительных оплат, несомненно, является прямая сдельная без ограничения приработка. Она наиболее понятна рабочему и потому уже способна более других стимулировать повышение производительности. Однако, неподготовленный заранее декрет о неограниченной сдельщине привел к искусственно неограниченному повышению расценок путем снижения норм выработки. Колебания оплаты при этом весьма значительны и, как общее правило, размер оплаты сильно отстает у индустриальных рабочих. Новая система исчисления сдельных стремится прекратить эту пестроту заработка, ломающую все основы целевой оплаты, и ставит условием применения сдельной предварительное *строгое нормирование труда*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Эти новые формы оплаты должны заменить пеструю практику мест и унифицировать тарифную работу. Необходимо прекратить «эпидемию опытов», как раз крайне развилась.

Всякая сомнительная идея сейчас имеет все шансы проходить под видом опыта. С этим пора покончить.

Само собою разумеется, что все эти формы оплаты могут успешно привиться лишь в той мере, в какой они будут реально обеспечены твердыми фондами. Ограниченность ресурсов Республики заставляет распространять эти формы оплаты по постепенно расширяющемуся кругу производств. Фонды денежной и натуральной оплаты должны в первую очередь расходоваться на предприятия общенациональной важности, которые должны быть сохранены в руках государства при всяких условиях.

Л. ГИНЗБУРГ.

Концентрация промышленности и комбинирование предприятий.

Один из основных вопросов восстановления нашей промышленности заключается в устранении того колоссального несоответствия между количеством действующих заводов и фабрик и количеством вырабатываемых на них изделий и фабрикатов, которое бросается в глаза всякому, кто хоть сколько-нибудь знаком с положением нашей промышленности. Несколько крупнейших рудников Донбасса давали в свое время такое же количество угля, какое дает теперь весь бассейн. Все производство прокатного металла в республике, выразившееся в 1920 году в количестве 9 м. п., в свое время покрывалось производством хотя бы одного Петровского завода, не являвшегося притом самым крупным. Десяток, другой крупнейших текстильных фабрик безусловно покрывали все производство суровья, в 1920 году выразившееся всего в 730 т. п., вместо 17 миллионов п. довоенной производительности. Понятно, какое огромное количество топлива и рабочей силы расходуется зря, без полезного эффекта.

Выход один—концентрация.

Выход не новый: с самого начала нашей хозяйственной работы мы действовали с помощью этого метода, беспощадно закрывая формально или фактически мелкие предприятия, оставляя только крупные, к которым, наоборот, относились с чрезвычайной бережностью. И тем не менее желательных результатов не получили. В чем же тут дело?

Дело в механическом понимании этой концентрации. Долой всю мелочь, пусть остается только крупное,—таков был основной лозунг, который мы проводили с чрезвычайной жесткостью. А при таком понимании концентрация оказывалась и черезчур сильной, и черезчур слабой в одно и то же время.

Черезчур сильной потому, что далеко не все отрасли хозяйства в России были организованы в виде крупной промышленности. Возьмем производство обыкновенного кирпича. При его элементарности всякий, сколотивший себе 10—20 тысяч рублей, мог уже рискнуть их вложить в кирпичный завод, который, при огромном росте в предвоенные годы строительства, обычно этот расход и оправдывал. Все производство было почти кустарным и потому мы не обратили на него почти никакого внимания, и находимся сейчас лицом к лицу с огромным недостатком этого несложного фабриката, изготовлявшегося на местном сыром материале и местном топливе и требовавшем элементарнейшего оборудования. Это только наиболее яркий пример почти полной ликвидации очень крупной (несмотря на ее кустарный характер) отрасли промышленности. А сколько было ликвидировано менее заметных, но не менее важных групп производства: стоит только вспомнить мелкие ремонтные заводы, на которые стали обращать внимание только в последнее время и без которых и же крупная промышленность оказывалась в чрезвычайно тяжелом положении.

Иногда это выражалось в иных формах. Мне вспоминается прошедшая на моих глазах история концентрации мукомольной промышленности на Украине. В свое время здесь развились чрезвычайно мощные предприятия, рассчитанные на перемол зерна и для самого юга, и для экспорта за границу, и для севера, и для Закавказья. Следуя принципу концентрации, мы, при несравненно меньшем количестве зерна для перемола, сосредоточили его на нескольких крупнейших мельницах. Что же получилось? Оказалось, во-первых, что мы не были в состоянии обеспечить их постоянным и притом довольно крупным запасом зерна, необходимым для их правильной работы. Каждый вагон был у нас на счету и подлежал срочной отправке. А, во-вторых, своз зерна только в несколько пунктов и развоз его оттуда по всем потребителям настолько усложнил операцию транспортирования, нагрузки и разгрузки, что потребитель в конце-концов получал неперемолотое зерно и не был в состоянии даже перемолоть его на близ находящихся мелких мельницах или не работавших, или не получивших топлива. Здесь как раз интересы концентрированной угольной и металлургической промышленности требовали известного распыления мукомольной, с чем принципиальные строители концентрации никак согласиться не могли. И этот пример также не является единственным.

С другой стороны, концентрация промышленности была проведена недостаточно. С легкостью закрывая мелкие заводы, мы всегда останавливались в нерешительности перед закрытием крупного. Конечно, этот вопрос не может быть решен слишком прямолинейно и во многих случаях конкретные обстоятельства заставляли пустить неполным ходом несколько заводов вместо одного полностью. Но это следует делать только в крайних случаях, чего на самом деле не было.

Задачей настоящего дня является выделение возможно более узкого, но жизненного комплекса предприятий и крупных, и мелких, при чем часть первых нам придется закрыть, расширив по всем данным количество мелких. Необходимо отметить, что такая работа не может быть произведена академическим путем, на основании только цифр и расчетов (у нас черезчур этим увлекаются). Она требует конкретного, живого знания предприятий, и только при этих условиях даст благоприятные результаты.

Если такое знание имеется у нас относительно крупных предприятий и круг их легко может быть определен из центра в порядке общегосударственного плана, то в отношении мелких у нас нет не только такого конкретного знания их, но сплошь и рядом даже и цифрового материала. Да и самое составление плана их работы при большом их количестве и незначительности каждой единицы натолкнулись бы на такие затруднения, что крупнейшие ошибки были бы неизбежны. Очевидно, дело здесь должно быть предоставлено в значительной степени стихийному течению, как говорили раньше,—местной инициативе, при чем, конечно, надо позаботиться о том, чтобы это стихийное движение пошло в желательном нам направлении и без составления цифрового плана.

Последнее время сознание необходимости такого решения привело—помимо наименьшего сопротивления —к стремлению самым широким образом сдавать такие предприятия в аренду. Очевидно, это делается в расчетах на то, что самая игра спроса и предложения заставит частного предпринимателя пойти как раз туда, куда это нужно. До некоторой степени это верно, но только до некоторой.

Не надо забывать, что для частного предпринимателя наиболее годным потребителем является сейчас не национализированная промышленность, занимающаяся «убыточным» для данного момента (обстоятельство, которое очень основательно забывает т. Киселев в своей проповеди безубыточного ведения предприятий) делом восстановления нашего разрушенного хозяйства, в первую голову транспорта, а крестьянин, который может дать ему и продовольствие, и сырье. Сведения, идущие с мест, говорят именно о том, что частное предпринимательство ухватилось сейчас за мелкое кожевенное, мыловаренное и т. п. производства ходкого среди крестьян товара, для которого они же доставляют и сырье. А это значит, что стихийное развитие мелкой промышленности на основе частного предпринимательства пойдет по линии приспособления не к нашему, а к крестьянскому спросу и даст далеко не то, что нам нужно. Это уже не говоря о неудобстве зависимости крупной промышленности от вольного рынка с его огромными колебаниями.

Другой выход — комбинирование, привязывание этой мелочи к крупной промышленности. Этим путем мы сумеем: 1) избавиться от необходимости составлять на глазок планы распределения в общегосударственном масштабе второстепенных материалов, относительно которых у нас нет и еще очень долго не будет ни данных о ресурсах, ни данных о потребности, сколько-нибудь удовлетворительных; 2) приспособить развитие мелкой промышленности к потребностям крупной и 3) сократить область допущения частного капитала.

Вместе с тем на предприятие можно при этих условиях возложить и большую ответственность за выполнение возложенных на него государством задач, поскольку в отношении целого ряда необходимых ему материалов и работ оно будет зависеть исключительно от собственной энергии и хозяйственной постановки дела. Здесь мы уже соприкасаемся с вопросом о комбинировании крупных отраслей промышленности между собой, поскольку они обладают соответствующими данными, в первую очередь — территориальной близостью. Но необходимость этого в настоящее время настолько ясна для всех, что говорить более подробно об этом нечего.

Из предыдущего ясно, что так называемый единый план народного хозяйства будет складываться из двух существенно различных частей: 1) из подробно разработанных производственных программ для крупной промышленности и планомерного распределения главнейшей части их продуктов между потребителями; 2) из ряда мероприятий, регулирующих деятельность остальной промышленности, как находящейся в частных руках, так и в руках советских органов. Ни в каком случае все движение продуктов по общегосударственным планам проходить не будет, значительная часть их будет иметь свой собственный, местный оборот, путем ли движения внутри комбинированного предприятия, путем ли продажи и покупки между частными лицами и государственными органами. И судьба нашего народного хозяйства главным образом и будет зависеть от того, насколько энергично пойдет процесс прикрепления (непосредственно в виде общего администрирования или косвенным путем—завязывания постоянных торговых сношений) мелкой промышленности (к которой относится и земледелие в подавляющей своей массе) к крупной. А это значит, что свое внимание мы должны фиксировать не на той или иной отрасли производства—без связи с другими она ничто,—а на том или ином районе, где условия для создания того комплекса предприятий наиболее благоприятны. Таким районом, несомненно, является юг. И только в том случае, если мы сумеем поставить его возрождение как ударную задачу, если мы сумеем снабдить его в изобилии (без этого никакая промышленность правильно итти не может), ограничив потребности остальных районов крайним минимумом, мы сумеем добиться того, что равномерная кривая падения производительности нашего народного хозяйства изменит свой характер, и на фоне общего упадка начнет выделяться некоторое здоровое и развивающееся ядро, которое сделается исходным пунктом возрождения нашей промышленности. Районная концентрация промышленности—единственно правильный путь ее общего возрождения.

В. СМИРНОВ.

Самодеятельность и инициатива.

Уже из предыдущих статей видно, что новая хозяйственная политика приводит нас к такому многообразию и во времени и в пространстве во всех областях нашей деятельности, что без инициативы и самодеятельности местных органов и работников провести ее безусловно не удастся.

Область **производства:** нужно максимально использовать техническое оборудование, отремонтировать его, найти недостающие части к машинам и орудиям, дать простор изобретательству; необходимо поставить производство на научную ногу, чтобы не пропадало зря топливо и сырье, чтобы были использованы обрезки, лом, стружки, отбросы, чтобы каждый техник и рабочий, организатор и администратор были поставлены к такому делу, где они могут дать максимум от своих способностей. Производство на фабриках, заводах, непосредственно, управляемых нами, должно вестись так, чтобы каждому были видны преимущества крупной советской промышленности перед кустарной и мелкой, чтобы никто не мог сказать, что у капиталиста-арендатора дело идет лучше, чем у советского государства.

Область **снабжения:** проект декрета о расширении прав крупных государственных предприятий (см. № 152 «Эк. Жизни») представляет последним право «заказов и покупки на рынке всех продуктов кустарного и мелкого производства» (параг. 6, Разд. 2-й), «право производить как хозяйственным, так и подрядным способом разработки и заготовки подсобных материалов для предприятия»... (параг. 7, Разд. 2), «право отчислять долю производства (устанавливаемую комиссией СТО) для расплаты натурой с грузчиками, возчиками и кустарями и за хозяйственные и мелкие подсобные работы» (пар. 5, Разд. 2). В этой плоскости от инициативы и хозяйственной самодеятельности зависит буквально все. Нужно выгодно использовать местные ресурсы в виде рынка, природных богатств, кустарей и разных лиц, могущих обслуживать нашу крупную промышленность. Атмосфера той области, в которую вступает наша промышленность, чрезвычайно непостоянна, изменчива, и плох будет тот орган или хозяйственник, который не научится использовать перемены на рынке, у кустарей, мелких промышленников и арендаторов.

Область **живого аппарата:** надо поднять трудовую дисциплину и интенсивность труда, а для этого нужно умело использовать декреты о коллективном снабжении и отчисленных от продукции, превратив их в мощный фактор заинтересовывания каждого отдельного работника и коллектива последних. Способы такого использования не могут быть указаны центром, так как у него нет еще даже минимума опыта во всероссийском масштабе.

Кто же может проявить требуемые самодеятельность и инициативу?

Все без **исключения. Рабочие предприятия** могут воссоздавать нашу крупную промышленность, участвуя на общих собраниях, через делегатов и непосредственно, во всех областях производственной деятельности, следя за товарищеским отношением к делу как самого себя, так и своих товарищей и соседей, наблюдая, хотя бы попутно, за сохранностью не только своего, но и соседнего станка, зданий, материалов, сырья, топлива, сообщая заводоуправлению о тех или иных возможностях закупить выгодно нужные изделия или сырье, заключить договор с извозчиком или пильщиком.

Завком предприятия совместно с заводоуправлением и губпрофсоветом могут развернуть продуктивную деятельность работников путем использования предоставленных им прав по изменению числа тарифных разрядов и числа пайков внутри каждого разряда.

Кто больше и лучше сработает, тот больше и получит. Какие методы можно сейчас рекомендовать в этой именно области? Никаких, так как ни один еще не проверен на практике. Здесь все должно быть построено на инициативности и самодеятельности мест.

Заводоуправление предприятий 1 и 2 групп во многом зависит от самого себя. Что делать с ломом, обрезками, которыми заводоуправление может распоряжаться по собственному усмотрению? Как использовать часть фонда заработной платы, отпускаемой на поощрение особо важных работ и отдельных работников? Как комбинировать сдельные работы, как оценить работу каждого рабочего, какую форму премирования применять в каждом отдельном случае?

Как выполнить полностью программу, отпуская рабочих на полевые работы?

Нельзя ли с'экономить топливо и увеличить недельный отдых рабочим, не сокращая недельного задания (5 дней работы вместо шести)?

Главным управлениям и губсовнархозам предоставляются большие возможности проявить инициативу в плоскостях установления предприятий, предназначающихся к действию, их комбинирования, распределения между ними материальных ресурсов, распоряжения продуктами своего производства, поскольку установленная доля идет не в государственный фонд, и т. д.

Многое из сказанного может показаться азбучным: во многом и раньше требовалось проявление инициативы и самодеятельности.

Однако, не следует забывать, что раньше эти качества хозяйственные органы могли проявлять **лишь в крайне узких пределах.**

Спешное и в тяжелой военной обстановке строительство централизованного аппарата при слабости пролетарских сил на окраинах и вообще в провинции неминуемо должно было поставить «места» в положение опекаемых «центром». Доминирование военного производства над гражданским тоже выдвигало особенно резко момент сугубого централизма.

Отсюда — мелочная регламентация со стороны главков и центров всех областей работы периферийных органов.

За $3\frac{1}{2}$ года «места» окрепли, набрались опыта и в новую полосу советской жизни входят уже не с голыми руками, а с оружием в руках, приобретенным в боях на хозяйственных фронтах.

Это оружие должны держать органы и работники инициативные, а не формалисты-бюрократы, самодеятельные, а не те, что ждут, по старой от крепостнических времен манере, барина, который «рассудит и укажет». Буржуазия тоже инициативна и самодеятельна, но пролетариат эти качества умножает, борясь за крупную промышленность, как базу **коммунизма, коллективными инициативой и самодеятельностью.**

Вл. Сарабьянов.

Заметки по электрификации

(Из записной книжки).

Наша регистрация сооружений мелких и расширения существующих электрических станций отличается крайней неполнотой. «А» между тем, на первых порах, пока широкое строительство не нащупало почвы в окрепшей экономике страны, мы неизбежно должны пойти по линии наименьшего сопротивления, пребывать «в стадии А» по терминологии Гоэлро, использовать те силы, которые достаточны для среднего строительства и ремонта.

Тов. Вашков констатирует: Новые станции строятся и старые расширяются в пяти губернских городах, 61 уездном городе и 65 селах. Электрифицируются 48 заводов, кроме того, электрические сети расширяются в 8 губернских городах, 2 уездах и 24 селах. Эти строки написаны в июле текущего года, когда выяснились и подвелись итоги тяжкого неурожая на юго-востоке. Думаю, что беспристрастный наблюдатель со временем учтет эту несомненно преуменьшенную статистику электростроительства, как яркий образчик жизненности идеи электрификации.

В эту зиму Москва доведет цифру своего электроснабжения **до нормы 1913 года.** Уменьшение количественного потребления электрической энергии за сокращением потребления фабрик и заводов — возмещается увеличением потребления световой. Наши окраины, наши рабочие жилища возместят свой дефицит, свою прежнюю световую голодовку. Добрый им путь! Пусть поярче будет освещена их жизненная дорога в годы предстоящих еще немалых испытаний! Я вспоминаю при этом последний наказ берлинских концессионеров, когда они еще не предчувствовали своего исхода из России: блюдите световую нагрузку, она более дивидентна. Они обвиняли русских техников в излишней погоне за нагрузкой промышленной. Однако, техники были правы. Нынешнее процентное падение технической нагрузки с 50 проц. до 30 проц. — симптом печальный известного факта—кривая промышленного под'ема пока дрейфит. Тем не менее факт остается фактом—электрические станции московского куста—реализованная программа «А» для важнейшего центра страны—дают себя знать. Допустим, что мы расточительны с потреблением электрической энергии. Против такого зла—свои ме-

---

[от]нюдь не будет означать возврата к прежнему, т.-е. к продразверстке и т. д. Ибо эти методы, приспособленные к регулированию потребления на основе *падения* производительных сил, *падения* экономической мощи города относительно деревни, будут совершенно неподходящими к положению вещей, коего основа заключается *в развитии* производительных сил, особенно же в *растущей мощи крупной промышленности*. «Поворот руля» будет состоять в постепенной экономической ликвидации крупного частного хозяйства и в экономическом подчинении мелкого производителя руководству крупной промышленности: мелкий производитель будет втянут в обобществленное хозяйство не мерами внеэкономического принуждения, а, главным образом, теми хозяйственными выгодами, которые будут ему доставляться трактором, электрической лампочкой, сельскохозяйственными машинами и т. д.: он будет опутан (с пользой для себя) *электрическими проводами*, несущими с собой оплодотворяющую хозяйство, животворящую энергию.

IV. Проблема труда в крупной индустрии.

Выше мы видели, что главной нашей задачей является организация крупной социализированной промышленности. Но эта задача имеет свою внутреннюю сторону—вопрос о труде и его интенсивности. В период «военного коммунизма» рабочий класс в значительной степени играл роль резервуара, организующих сил, которые бросались на фронты во все возрастающем количестве. Оставшиеся поддерживались более или менее равномерно, независимо от того, выполняли они или не выполняли на деле свою производительную функцию. В результате, при общем понижении энтузиазма и работоспособности (от голода, истощения и т. д.), при росте мелкобуржуазных настроений и, следовательно, личных мотивов хозяйствования, получилось неизбежное *падение интенсивности труда*.

Mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) здесь отчасти получилась такая же картина, как в сельском хозяйстве: отсутствие личной и групповой *непосредственной* материальной заинтересованности в производстве привело к падению производства; при наличии излишних поддерживаемых государством с грехом пополам рабочих рук, производственный эффект падал.

Отсюда с неизбежностью вытекало и средство лечения этого недуга: *введение момента личной и групповой заинтересованности рабочих в выработке*. Другими словами: необходимо было поставить снабжение рабочих в зависимость от количества вырабатываемого продукта. Это и дается тем или иным применением так называемого принципа «коллективного снабжения».

Принцип коллективного снабжения играет при этом двоякую роль: с одной стороны, он, давая стимул непосредственной заинтересованности, толкает рабочих к повышению интенсивности труда и к повышению, таким образом, *производительного эффекта*; с другой стороны, он становится рычагом *качественного улучшения состава пролетариата*. При его применении будет происходить постоянный отбор настоящих кадровых рабочих, которые и составят основной стержень крупной промышленности. И, наоборот, мещанские, непролетарские элементы будут отсеиваться и распыляться, уходя в мелкобуржуазную среду. Реорганизованная и развивающаяся крупная промышленность будет иметь и соответствующий кадровый пролетариат.

V. «Государственный капитализм» при системе пролетарской диктатуры.

Нам остается сказать, в целях полной ясности, несколько слов о «государственном капитализме» при системе пролетарской диктатуры. Мы лично считаем этот термин неправильным. Но так как дело не в терминах, а в «сути вещей», не в слове, а в понятии (а здесь в рядах партии нет никаких разногласий), то эту «суть вещей» необходимо подчеркнуть.

Государственный капитализм в его, так сказать, западно-европейском и американском значении, есть доведенное до крайнего предела *всемогущество буржуазии*, когда производство сосредоточено в руках *буржуазного* государства. В таком случае собственником и верховным распорядителем всех средств производства является *буржуазия* в лице ее государства.

Когда *пролетарское* государство сдает в аренду концессионеру, предприятие (т.-е. при таком небывалом еще в истории случае, когда капиталист является арендатором у рабочего), *собственником* предприятия все время остается *рабочий класс*.

Из этого проистекает совершенно различный характер развития.

При государственном капитализме в настоящем смысле этого слова вся прибавочная ценность поступает в распоряжение буржуазного государства, т. - е. буржуазии. При *нашем* «государственном капитализме» (концессия, аренда и т. д.) прибавочная ценность немедленно расщепляется на две части: одна поступает, как прибыль, в карман капиталисту; другая принимает форму долевого отчисления или арендной платы и поступает нашему государству, т.-е. переходит в руки *пролетариата*.

Чем больше мы будем расти сами, тем более выгодные договоры мы будем заключать, тем больше будет *пролетарская доля*, которая, все увеличиваясь, в конце концов поглотит долю капиталиста. Это и будет конечной победой коммунизма. Тогда окажется, что иностранный капитал, помимо его воли и желания и несмотря на его волю и желание, сыграл в нашем общем хозяйстве роль «спеца», который помог вытащить из трясины колымагу советского хозяйства.

Государственный капитализм европейско-американской марки пролетариат должен сломать путем революции. Наш «государственный капитализм» изживется совершенно мирным путем, если мы только правильно выполним свой стратегический план.

VI. Основные возражения против нового курса.

Основные возражения, которые делаются иногда против нового курса экономической политики, основаны на непонимании всего «плана стратегической операции» и, как две капли воды, напоминают те возражения, которые некоторые товарищи («от них же первый есмь аз») делали против совершенно правильной тактики брестского мира, или которые делались против брестского мира открытыми противниками пролетарской диктатуры.

Главным «*возражением*» являлся вопрос о «*пределах уступок*». Где кончается предел уступок? Если мы сдаем Минск, сдадим ли Смоленск? Или Москву? Ясно, что вопрос был нелеп. Пределы уступок не могли быть *заранее* определены: они зависели от конкретных условий. Лишь бы была возможность *строить свои силы*—вот, как стоял вопрос.

То же и теперь. «Пределы» концессий, вплоть до фабрики и завода, *нельзя* определить. Ибо здесь можно сказать лишь *в общем*: база крупной промышленности и транспорта должна остаться непосредственно в наших руках, что не исключает передачи того или другого предприятия или территории концессионеру.

Вторым возражением было: мы переродимся. А враги говорили: *идя* на уступки, вы превращаетесь в партию германского империализма. Ясно, что это был вздор.

Но теперь рассуждают иногда так же: *если* вы делаете уступки мелкой буржуазии, *тем самым* вы превращаетесь в *партию* мелкой буржуазии. Если это так, то, напр., английское правительство, сделавшее уступки углекопам, является правительством рабочих или, по крайней мере, «общенациональным». Рассуждение не марксистское.

Конечно, мы находимся в опасном положении. Конечно, *если мы не построим крупной промышленности*, то *тогда* мы или переродимся, или будем свергнуты. Но мы *построим*, на страх врагам, нашу крупную индустрию. Пусть буржуазные «порядочные люди» смеются и предсказывают нам близкий конец. Мы надеемся еще спеть над их могилой «вечную память».

Н. БУХАРИН.

Новый курс и мероприятия Советского правительства

Прошло свыше 4-х месяцев с момента принятия ВЦИК-ом первого постановления о замене разверстки, как способа осуществления государственной монополии, продналогом. Постановление это и последовавший в его развитие декрета Совета Народных Комиссаров о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена, принятый 21-го апреля с. г., по существу и определяет исходный пункт в развитие нового курса нашей экономической политики.

Когда закон о продналоге принимался центральными правительственными органами, то для всех было ясно, что коренное изменение, внесенное в нашу экономическую политику отказом государства от разверстки, потребует издания ряда дополнительных законов. Если мы присмотримся к законодательству за период последних месяцев, то мы увидим ряд крупнейших мероприятий, имеющих прямую связь с законом о продналоге. Декреты о потребительской и промысловой кооперации, о кустарной и мелкой промышленности, о сдаче предприятий в аренду, о расширении прав крупных предприятий и т. п.,—все эти перечисленные важнейшие постановления есть прямой, логический вывод из основного — перехода к продналогу.

В чем суть новой экономической политики? Каковы изменения, внесенные в хозяйственную жизнь страны переходом от системы монополии и разверстки к продналогу? Основа нового курса в том, что в миллионах крестьянских хозяйств, за выполнением продналога, остаются свободные излишки хлеба и других продуктов сельскохозяйственного труда, которыми, по смыслу налогового законодательства, крестьяне распоряжаются свободно, выбрасывая на частный рынок, как продукт товарообмена. В этом основное различие от прежнего; если раньше частный рынок был проявлением нашего организационного неустройства, с которым государство, в идее, по законодательству, должно было вести борьбу, то теперь это есть законное явление.

Какие же задачи выдвигаются перед государственной властью пролетариата в связи с установлением нового курса и в какую сторону надо направлять свои усилия на ближайший период? Первое и основное, что необходимо выполнить с полным успехом,—это собрать, свезти и сохранить продукты сельского хозяйства, причитающиеся государству по продовольственному налогу. Второе, что также не менее важно,—создать такие регулирующие условия рынка, при которых бы максимум остающихся у крестьян продовольственных и сырьевых продуктов поступил, по товарообмену, в государственный фонд и послужил базой для развития крупной промышленности, остающейся основой нашего хозяйства. Необходимо оживить обмен между городом и деревней, что единственно может создать условия для развития и улучшения сельского промысла. Именно эту задачу на ближайшее время надо реально преследовать. Во что бы то ни стало оживить промышленность, сельское хозяйство, оживить обмен, таким образом, чтобы материальные ресурсы (которых у нас в этом году особенно немного) не расхищались скупщиками, спекулянтами, а были бы государством правильно собраны и разумно обращены на добычу угля, нефти, восстановление транспорта и крупной национализированной промышленности. Вот наши реальные задачи на ближайшие дни и в эту сторону направлялись все усилия и все мероприятия государственной власти и в эту же сторону они будут направляться в ближайшем будущем.

В начале статьи мы указывали на неизбежность за продналогом издания дополнительных законов, отвечающих новому курсу. Продналог, как сказано было выше, возрождает частный рынок со всеми его капиталистическими особенностями. Естественно, конечно, что вслед за изданием закона о продналоге необходимо было издать ряд дополнительных законов о потребительской и промысловой кооперации. Положение кооперации до сих пор определялось декретом 20 марта 1919 года, по которому ее роль сводилась к роли технического распределительного органа Наркомпрода. С отменой разверстки, с возрождением частного рынка роль кооперации коренным образом изменяется: она становится одной из наиважнейших сил, общественно организованной силой в борьбе со скупщиком, спекулянтом и другими отрицательными явлениями на частнокапиталистическом внутреннем рынке. На кооперацию ложится вся тяжесть заготовки продовольствия и других продуктов по товарообмену; кооперация должна не только заготовить для государства продукты, но и заготовить их так, чтобы созданный, в процессе заготовки, оборот между городом и деревней был полезен и послужил стимулом к правильному развитию и укреплению крестьянского хозяйства. Задача эта в наших условиях до чрезвычайности трудна. Декрет о потребительской кооперации от 7-го апреля с. г. отменяет все ограничения, созданные для кооперации декретом 20-го марта. Кооперации разрешается свободная заготовка продовольствия, всех видов промышленного сырья, свободный сбыт незапрещенных товаров, организация собственных предприятий для добычи и обработки продуктов и т. д. Перед кооперацией, с принятием этого закона, открывается широкий простор для самодеятельности хозяйственно-инициативной работы. Выступая на рынке в роли почти единственного борца с расхищением спекулянтами немногочисленных материальных ресурсов, кооперация стремится разрешить основной вопрос—сосредоточить в руках государства максимум продовольственных и сырьевых ресурсов, что даст возможность вести дальнейшее и постепенное развитие хозяйства.

На-ряду с изменением законодательства о потребительской кооперации, коренным образом меняется прежнее законодательство в отношении промысловой кооперации, кустарной и мелкой промышленности, удельный вес которой в общем хозяйстве России огромный. Лишенная свободного рынка сбыта, стесненная существовавшими прежде законами о монополии, промысловая кооперация и кустарные промыслы все больше и больше разрушались. Государство, не справлявшееся с организацией крупной промышленности, естественно, не могло оказывать надлежащей поддержки ее развитию. С возрождением частного капиталистического рынка и свободного оборота промысловая кооперация и мелкая промышленность могут оказать огромное влияние в оживлении внутреннего товарообмена между отдельными хозяйствами внутри, что, в свою очередь, создаст условия оживления сельского хозяйства. Существовавшее раньше законодательство стесняло развитие мелкого промысла; вот почему декретом о промысловой кооперации кустарной и мелкой промышленности отменяются все прежние ограничения. Кооперации предоставляется свобода организации по принципу территориальному или производственному, разрешается свободная заготовка сырья, свободный сбыт продуктов своего труда и отменяется всякая конфискация промышленных заведений (последнее допустимо лишь по постановлению суда или Совета Народных Комиссаров).